

РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР

Из GA 187:

**Как может человечество вновь
найти Христа?
Три рода теневого бытия нашего
времени и новый свет Христа**

8 лекций, прочитанных в Базеле
и Дорнахе с 22 декабря 1918 г.
по 1 января 1919 г.
(GA 187)

Перевод сделан по изданию Дорнах,
изд-во «Наследие», 1968 г.

II. Тело, Душа и Дух Христианства Лекция 24.12.1918 года. Дорнах т.187

То настроение, что наполняет наше время, по-видимому, не склонно через внутреннее углубление приводить людей к пониманию тех легенд и саг, которые рассказывают о том ряде ночей, что следует за Рождественской ночью, на протяжении которых подготовленная необходимым образом душа может пережить нечто, относящееся к духовному миру. Вам известно, благодаря имевшим здесь место представлениям, одна из наиболее захватывающих легенд такого рода - легенда об Олафе Астесоне. Есть немало и других легенд, подобных этой, указывающих столь же впечатляющим образом на Рождественское время.

Однако не только для интимного наблюдателя человеческой души, но и для всякого, способного ныне во внешнем мире постичь настроение времени, становится ясно,

что Рождественское настроение, Рождественский импульс должны быть как бы заново пройдены людьми. То, что живет в Рождественском воспоминании, в Рождественском размышлении, должно по-новому захватить человеческие души. Глядя на самую широкую сферу современного религиозно-духовного настроения, становится очевидным, как мало в наше время имеется даже склонности принимать во внимание Христа, каков он есть, воспринимать Его душевными очами.

Если вы в словах тех, которые полагают, что они говорят о Христе, если вы попытаетесь в их речах найти признаки, отличающие Христа от Бога-Отца, то вы вряд ли найдете что-либо иное, кроме различия имен. В то время как действительно для некоторых верующих Христос ныне еще стоит в центре их религиозного исповедания и все остальное Божественное затмевается Его блеском, наравне с этим мы видим уже с давних пор возникающую теологию, которая, по сути дела, потеряла Христа, которая говорит о Боге в самом общем смысле также и тогда, когда говорит о Христе. То особенное и исключительное, о чем должно быть сказано, когда человеческое сердце взглядывает на Христа - это должно быть найдено прежде всего. И может быть именно сегодня наиболее достойным торжества Рождественского праздника будет стремление еще раз запечатлеть в душе, как человечество может снова найти Христа. При этом, по всей видимости, придется привлечь к рассмотрению кое-что из истории развития человечества, привлечь к рассмотрению в духовно-научном смысле, чтобы действительно мог быть снова пробужден импульс, способный привести человеческие души ко Христу.

Рождественский праздник может не только напоминать нам о том, как вступил Иисус в земное бытие, но он может также напомнить нам о земном рождении самого Христианства, о вступлении Христианства в ход земного развития. Так пусть же сегодня, в Рождество, наш духовный взор направится на само Христианство, на вступление, зарождение Христианства внутри земного царства. Внешние факты общеизвестны, но они должны быть углублены.

В среде последователей Ветхого Завета вступило Христианство в мир. Оно вступило в мир связанным с личностью Христа Иисуса. Мы смотрим на события, которые

разыгрались внутри ветхозаветного вероисповедания, когда родилось Христианство. Мы видим, как это вероисповедание внешне жило в двух различных течениях, а именно, в фарисействе и саддукействе. По сути дела, все эти вещи в наше время необходимо рассматривать в новом свете. Если мы поставим перед душой тот способ, каким мы рассматриваем жизненный путь, который проходит отдельный человек, а также все человечество или земное бытие в целом, то этот путь становится для нас особенно понятным, если мы его рассматриваем как состояние равновесия между люциферическим и ариманическим. Но, по сути дела, все это лишь названия, которые мы употребляем. Сознание о фактическом существовании люциферического, ариманического и состояния равновесия между ними всегда имелось у глубоких натур в среде человечества. И, по сути дела, фарисейский элемент внутри древнееврейского развития и противостоящий ему саддукейский элемент есть не что иное, как противоположность между ариманическим и люциферическим. В поток равновесия поставлен Иисус, вступающий во внешнее земное бытие. Он вступает в это внешнее земное бытие на том месте, внутренняя наиболее характерная особенность которого до Мистерии Голгофы состояла в том, что на этом месте был воздвигнут храм Соломона. В определенном смысле всю сущность Соломонова храма можно понять, если противопоставить его становящемуся, зарождающемуся Христианству. Известно, как быстро после возникновения Христианства храм Соломона во внешнем бытии был разрушен. На том месте, из которого происходила духовность Христианства, в дальнейшем не должно было больше существовать памятника старого развития; то, из чего произошла эта духовность Христианства, больше не существовало. Сущность Соломонова храма и сущность Христианства – противоположны. Соломонов храм был удивительным, грандиозным, отчасти гигантским символом того, что содержало в себе мировоззрение Ветхого Завета.

Соломонов храм стал образом всего мироздания в той мере, в какой он в своей закономерности, в своей внутренней структуре, в своей пронизанности божественно-духовными существами мог быть представлен благодаря мировоззрению Ветхого Завета. Но этот Соломонов храм в определенном

отношении является чрезвычайно односторонним образом мироздания. Он есть именно *пространственный* образ мироздания, образ пространственных отношений: в нем привлечены на помощь пространственные образы для выражения тайн мироздания. Но то, что заключалось в символизме Соломонова храма, оживлялось для тех, кто с пониманием взирал на него, духом Ветхого Завета.

Если мы, с одной стороны, видим в фарисейском иудействе и в саддукейском иудействе внешнее выражение того, что было дано человечеству через Ветхий Завет, то, с другой стороны, в символике Соломонова храма мы видим доступное ветхозаветной жизни выражение внутреннего содержания этой жизни. Можно сказать: то, что содержалось во всем ветхозаветном откровении, все это нашло свое выражение в этих двух явлениях: с внешней стороны, экзотерически, и в фарисействе и саддукействе иудаизма, и с внутренней стороны, эзотерически, в том, что было дано в полных тайн символах Соломонова храма. Из этой экзотерики и эзотерики выросло то, что затем стало Христианством.

Вначале для большого мира того времени, в которое оно было рождено, Христианство оставалось неизвестным – для мира, внутри которого жила духовность человечества той эпохи, для греческого мира. Внутри все более расширяющейся римской мировой империи, в пределах которой была подготовлена через рождение Иисуса и сама Мистерия Голгофы, люди ничего не знали о том, какое значение имели разыгрывавшиеся в среде иудейского народа события. Люди не знали о том значительном, которое подготовлялось как смысл Земли. И тем не менее, если даже внешне человечество того времени дало пройти мимо него тому величайшему событию земного развития, внутренне весь известный в то время мир был связан со становящимся Христианством.

Но как связан? Смысл того, что заключает в себе Рождество, раскрывается впервые в Пасхальном размышлении. И Пасхальное размышление, которое, собственно, углубляет Рождественское размышление, в чем заключается его смысл? Значение Пасхального размышления состоит во взгляде на Спасителя человечества, умершего на кресте, во взгляде на крест с мертвым Богом. Из человечества возникло и осуществилось намерение убить явившегося в его среде Бога.

Вся величина, вся мощь этой мысли должны вновь запечатлеться в человеческих душах. Взгляд на то деяние, через которое явившийся на Земле Бог был убит людьми, эта мысль, она должна быть переведена на тот язык, на котором она может быть понята. Попробуем сделать это, по меньшей мере, хотя бы с одной точки зрения.

Когда мы смотрим на Мистерию Голгофы, – вам это известно из моей книги «Христианство как мистический факт» – то эта Мистерия Голгофы является как великое исторически-мировое слияние того, что существовало в древних Мистериях. То, что в древних Мистериях производилось как жертвоприношение, как действие посвящения, что, можно сказать, было определенным образом локализовано в храме – все это было вынесено на широкий план мировой истории, разыгралось в объеме всего земного бытия. Некоторым образом посвящение человечества было вынесено из храма и предоставлено всей земной мировой истории.

Можно спросить себя: что же, собственно, думал древний человек, способный принимать участие в священнодействии Мистерий того времени, когда они еще обладали всем своим действительным, древним значением? Человек того времени мог пройти подготовительное для участия в Мистериях обучение, уяснив себе, что все окружающее его в чувственном мире, что может быть понята человеческим рассудком, есть лишь мир явления, мир феноменальный, мир внешней чувственной видимости; он должен был понять, что все переживаемое человеком в своем окружении в бодрствующем состоянии между рождением и смертью есть лишь наглядное, явленное откровение внутренней сущности, но что эта сущность(существо) таится во всеобщей жизни людей. Но в священнодействиях Мистерий человек искал некоторым образом то, что из глубин бытия притекало к нему как сущностное, которое было исключено, удалено из мира просто феноменального, их просто видимого бытия как сущностное, как истинно действительное. Древний участник Мистерий, он был постоянно склонен сказать себе: когда я, таким образом, шествую через мир, мне предстоит внешняя природа – она есть иллюзия. Когда я переживаю в мире то или иное – это иллюзия. Но когда в храме я соучаствую в священнодействиях Мистерий, то происходит нечто поистине

действительное, что не является иллюзией. В это время нечто как бы извлекается из иллюзорного бытия мира и переносится в сакраментальное действие, и это сакраментальное действие, это таинство именно и содержит истину по сравнению с иллюзией.

Необходимо делать полное различие между этим мистериальным воззрением и воззрением, которое, например, господствует сегодня в материалистический век, если мы хотим со всей отчетливостью указать на сущность этого мистериального мировоззрения. Необходимо уяснить себе, что все то, что ныне, в век материализма человек называет действительностью, этим воззрением мистерий определялось как иллюзия, в то время как сакраментальное действие обряда посвящения (таинство посвящения), имевшее тогда место, и ныне большинством людей относимое к миру фантастики, это таинство знаток Мистерий считал единственно действительным из всего, что встречалось ему в жизни. Поэтому Мистериальные действия совершались не когда угодно, но в определенные времена, в которые считали, что через явления высшей жизни должно проходить нечто от истинной сущности, которую тогда можно как бы уловить в таинствах Мистерий. Не раз уже указывалось, что важные таинства Мистерий состояли в том, что в них указывалось на принесение в жертву Бога, на смерть Бога и воскресение Бога на третий день. В этих мистериальных действиях указывалось на то, как глубоко проникающему во внешний мир, способному видеть его насквозь, смерть выдавала истинную сущность этого мира, указывалось как следовало искать по ту сторону смерти то, что поистине есть действительность.

Но все то, что могло войти в человеческую душу из настроения Мистерий, оказывается сосредоточенным в начале нашего христианского летоисчисления воедино как выражение важнейшего в явлениях мира. Каждый, кто в начале Христианской эры мог почувствовать себя (целиком) соединенным с ходом земного развития, мог сказать себе: в старые времена имелась возможность для людей в атавистическом познании посвящения испытать нечто из Божественно-духовного (мира). Это время миновало. Обозревая земное развитие можно сказать: в старые времена из земного развития людям открывалось нечто в Божественно-духовном

мире. Однако теперь наступили времена, когда из содержания мира ничто не может быть извлечено такого, что привело бы людей к Божественно-духовному. Мир утратил в себе Божественно-духовную жизнь. – Так должна была сказать себе такая душа. На что же следует обратить внимание, когда таким образом рассматривают смысл развития земного человечества? Где находится то, что во времена становления Христианства составляет действительный смысл Земли? Где находится то, что составляет наивнутреннейшее воление, что хочет заявить о себе в это время?

Оно находится на Голгофе, на кресте: это есть смерть! То, что ранее вытекало из земного развития, что являлось целительным для людей – это теперь умерло. При взгляде на мертвого Бога действительно глубоко проникающей в сущность мира душе во время становления Христианства дается земной импульс, глубочайший земной импульс.

В таком ощущении представляется действительным все величие того, о чем в данной связи идет речь. Древнее знание о мире, древнее мировоззрение было вплетено в Соломонов храм, но это древнее мировоззрение больше не содержало в себе того, благодаря чему оно стало столь величественным. Новое должно было вступить в мир. Итак, слились воедино во временном развитии Крушение Соломонова храма и восхождение, рождение Христианства. Соломонов храм был символическим, пространственным образом мирового содержания. Христианство, взятое как явление во времени, стало новым образом мира. В Христианстве главным является не то, что выступает как пространственный образ, как в случае Соломонова храма. В Христианстве важно понять следующее: земное развитие шло до Мистерии Голгофы, затем произошла Мистерия Голгофы и все развитие пошло через излившегося в среду человечества Христа тем или иным образом далее. Христианство понимают только те, кто постигает его через образы, протекающие во времени. Глубинное содержание Христианства не имеет даже отдаленного сходства с тем, что выступает как пространственный образ, а значит и с гигантским, грандиозным пространственным образом Соломонова храма. Соломонов храм, также как и внутреннее содержание фарисейской и саддукейской жизни, заключал в себе душу мирового сознания того времени. Кто ищет душу

мирового сознания, какой она была две тысячи лет тому назад, тот находит ее в ветхозаветном иудействе. В эту душу было погружено семя Христианства; во все то, что могло быть выражено пространственно, было внесено новое семя того, что стало выразимым лишь во времени. На место бытия встало становление – в этом заключено внутреннее отношение родившегося Христианства к душевному тому миру, к иудейству, которое пребывало в Соломоновом храме, рухнувшем в ходе мирового развития. В душе древнего иудейства родилось Христианство.

Дух же Христианства следует искать в эллинизме. Как в иудействе Христианство обрело душу, так в эллинизме оно обрело дух. Собственно Евангелия, какими они унаследованы миром – не говоря о том, что не было унаследовано – в том виде, в каком они приняты миром, в существенном пришли через греческий дух. Мысли, которыми мир может думать о Христианстве, они являются греческой духовной мудростью. Первые писания отцов церкви в защиту Христианства появились на греческом языке. Так что Христианство, с одной стороны, родилось в душе как она была дана в иудействе человечеству того времени, и, с другой стороны, Христианство родилось в духе, каким он был дан человечеству того времени через гречество.

Тело же дал Рим. Рим (римство) был, в сущности для своего времени тем, что могло осуществлять внешнюю организацию, правосознание. Иудейство было душой, гречество – духом, Рим – телом, телом естественным, в том смысле, в каком обладает телом социальная структура человечества. Рим, в существенном, есть образ внешних тенденций, учреждений, а мысли о внешнем устройстве и живут во внешнем устройстве: телесное в историческом бытии, телесное в историческом становлении. И как Христианство было рождено в душе иудейства, в духе гречества, так оно было рождено в теле Римской Империи. Поверхностные натуры даже находят, что все, что несет в себе Христианство, объяснимо исходя из иудейства, гречества и римства. Подобно тому, как естествоиспытатель-материалист находит, что все в человеке унаследовано от его родителей, прародителей и т.д., и даже не допускает мысли о том, что душа приходит из духовных сфер и только одевается в тело, подобно этому и поверхностные

натуры склонны считать, что Христианство состоит лишь в том, что составляет его одеяния. Существенное в Христианстве, естественно, вступило в мир с Христом Иисусом, но родилось Христианство в иудейской душе, греческом духе и в теле Римской империи. Это может быть определенным образом увидено через Рождественское размышление, через рождение самого Христианства.

Эти мысли важно воспринять не как внешнее теоретизирование, но углубить их до Рождественского размышления, научиться некоторым образом видеть, что за движущую силу имеют эти мысли в отношении вновь рожденного духа, который с Духами Личности, как я вновь приводил это, вступил в становление мира. То, что в развитии мира хочет войти в становление, может это сделать через борьбу с тем, что остается от старого. В этом состоит тайна мирового становления, что нормально идущее развитие отставшими люциферическими и ариманическими духами модифицируется, тормозится, но этими же силами поступательное становление мира и определенным образом также и поддерживается. Я уже не раз обращал на это внимание: человек не должен просто убежать от ариманически-люциферического, он должен это спокойно принимать во внимание, должен сознательно противопоставлять себя ему и не должен давать этим вещам бессознательно проходить мимо. От мировых импульсов остаются определенного рода тени, которые продолжают затем действовать дальше, когда новое уже здесь: должны быть увидены их люциферический или ариманический характер. Это ариманически-люциферическое должно идти дальше с развитием, но его не следует переоценивать, оно должно быть увидено именно в своем люциферическом и ариманическом характере. Имеются тени от Соломонова храма, имеются отставшие тени от гречества, тени Римской Империи. Два тысячелетия назад это было почти само собой разумеющимся, что из этой тройственности – из души, духа и тела – родилось Христианство. Но душа, дух и тело не могут исчезнуть немедленно. Они продолжают неким образом действовать и далее. Сейчас наступило время, когда это обстоятельство должно быть увидено, когда должна быть увидена вся уникальность Импульса Христа.

Осталась тень также от самого существенного экстракта эзотерического Ветхого Завета, от тайны Соломонова храма, осталась тень от гречества и осталась тень от Римской Империи. Нужно научиться отличать тени от света. Это является задачей человечества для настоящего времени, ближайшего и будущего: отделять правильным образом тени от света.

Мы видим тени Римской Империи ныне в римском католицизме. Эта тень не есть Христианство – это только тень древней Римской Империи, в которой было рождено Христианство и в формах которого все еще продолжает жить то, что в то время смогло образоваться как структура Христианства. Но мы должны научиться, должно научиться все человечество отличать тень древней римской Империи от Христианства. В конституции (строении) католической церкви не содержится эссенции Христианства, ее нет вообще нигде в строении христианской церкви. В конституции этой христианской церкви живет то, что жило в Римской Империи от Ромула до Цезаря Августа. Заблуждение возникает только по той причине, что в этом теле было рождено Христианство.

Так же и Соломонов храм в этом отношении является отставшей тенью. То, что было тайной Соломонова храма, за небольшими исключениями, почти без остатка перешло во все масонские и другие тайные общества нашего времени. Как Римская церковь есть тень Римской Империи, точно так же можно сказать, то, что продолжает жить дальше через эти тайные общества, является тенью древнего иудаизма, тенью эзотерического служения Иегове, даже в тех случаях, когда в эти общества не принимают евреев. Но опять-таки, нужно отличать тень от света, как должны отличаться тени, продолжающего действовать дальше латинского царства в католической церкви, в церкви вообще, от света. Мы должны отличать тень от света, что светит в Христианстве, и так же мы должны различать то, во что как в душу должно было родиться Христианство, от того, что как тень продолжало действовать дальше в тех обществах, **которые** в своих подосновах имеют символику, оставшуюся как воспоминание от соломоновой символике.

Эти вещи нужно знать. Эти вещи должны быть правильно увидены в наше время, освещенные новым откровением, о котором мы говорили в эти два дня.

Тень греческого духа, в котором должно было родиться Христианство, ныне является – несмотря на все прекрасное, связанное с древней Грецией, несмотря на эстетическое и тому подобное значительное содержание этой Греции, несмотря на всю действенность древнегреческого в наше время – все это является современным мировоззрением образованного мира, который употребил все это на то, чтобы над человечеством разразилась эта ужасная катастрофа (последних лет). Когда был жив эллинизм с его мировоззрением, то это было совсем другое. Все правомерно в свое время. Взятое в абсолютном смысле, оно продолжает жить как антиквариат, а затем становится тенью самого себя, но тень это не свет, она образуется путем преобразования сущности в свою противоположность. Аристотелизм еще являет нечто от древнегреческого величия, но аристотелизм в новых одеждах есть материализм. Христианство было рождено в иудейской душе, греческом духе и римском теле, и все три оставили свои тени. Сквозь наше время как трубный глас ангелов идет призыв увидеть все это в его истинной сущности, смотреть сквозь тени на свет.

Поистине, кто ныне углубляется во время, кто непредвзято, без предрассудков (предубеждений) воспринимает то, что должно быть воспринято, но что протекает в этих ужасных, несущих боль фактах последних лет, тот не может не направить свой взор на то, чтобы искать, нет ли другого света, что светит в земной тьме по иному, чем те огни, на которые люди сегодня все еще взирают с верой, как на единственно истинные огни. Добрую волю должен искать человек, чтобы найти путь сквозь тени к свету. Ибо тени очень сильно дают о себе знать. Тени заявляют о себе через тех людей, которые сами очень мало страдают от тех великих мук, что выносит человечество в наше время и которых лишь в малой степени или даже совсем не затрагивает та безграничная боль, что пронизывает мир, и все это само по себе служит доказательством того, в сколь большей мере приведенные мысли объясняют мучения этой катастрофы. Кто попытается с глубоким пониманием обозреть то, что ныне, поистине, совсем

не трудно увидеть, кто имеет добрую волю без предрассудков направить взор на то, что ныне происходит среди людей, тот получит импульс начать поиски света. Это внутреннее побуждение человеческой души сегодня обладает определенной ценностью, и нужно перестать слушать тех, кто в силу занимаемого ими места хотят отстаивать лишь старые тени, но нужно прислушиваться к своему собственному, которое может говорить достаточно отчетливо, если только человек не заглушает его всем тем, что раздается как внешние теневые утверждения.

Уже сегодня можно убедиться – если взглядеться участливо-сострадательно, взглядеться в то, что происходит, что произошло и что еще произойдет – то вскоре можно будет увидеть нечто примечательное: подлинно человеческий облик стоит искаженным перед людьми, облик, несущий на себе одеяния, сотканные из теней, соединяющий в себе мысли, ощущения, чувства и волевые импульсы всего того, что человечество приобрело на наклонной плоскости и продолжает приобретать на той же наклонной плоскости. В самом внутреннем того, что происходит вовне, живут три охарактеризованные теневые мысли.

Но кто способен направить свой взгляд на этот облик, чье одеяние соткано из теней, тот подготовит себя к тому, чтобы правильным образом посмотреть на нечто другое: посмотреть на то дерево, которое и в сегодняшней тьме может светить своими огнями, это дерево видят правильным образом, когда не дают сбить себя с толку троичным теневым бытием – антикварной символикой, антикварной церковностью, антикварной материалистической наукой, но с чистым сердцем смотрят на то, что хочет светить во тьме как истинно Рождественское дерево, под которым лежит освещенный Рождественским светом младенец – Христос Иисус. Таким образом, антропософски ориентированная духовная наука может в конце концов привести к решению: искать Рождественский свет, чтобы с его помощью постепенно понять младенца Иисуса, вступившего в мир, чтобы сначала действовать, а затем быть понятым. Со всей скромностью освещать величайшее из событий в земном бытии – в этом видит свою задачу антропософски ориентированная духовная наука в среде религиозных течений человечества. Этот свет,

который духовная наука хочет считать своим Рождественским светом, не понять, если не иметь воли действительно разобраться в этом тройственном теневом бытии нашего времени. Это время очень серьезное. И кто не имеет доброй воли со всей серьезностью смотреть на время, тот в этой инкарнации вероятнее всего так и не сможет увидеть того, что для каждого человека с доброй волей в настоящее время поистине может служить целительным средством для многих ран, получаемых с неизбежностью человечеством. Люди, обладающие ныне доброй волей, должны увидеть то, что хочет проявиться, когда антропософски ориентированная духовная наука возжигается Рождественским светом. Свет этот, по сути дела, мал, и тот, кто его исповедует, остается скромным. Он не хочет этот свет как что-то особенное превозносить перед миром, поскольку знает, что сегодня этот свет еще мал, но придут многие люди и поколения, чтобы то, что сегодня горит так слабо, сделать сильным и ярким. Но даже когда свет горит слабо, он освещает нечто действующее совсем не слабо внутри человеческого земного развития, он освещает то, что со всей силой глубочайшего смысла человеческого развития, он освещает то, что мы можем назвать рождением Христианства, Рождеством Христианства. Постараемся же, наравне с Пасхальным смыслом антропософски ориентированной духовной науки, понять сначала ее Рождественский смысл. В этом настроении пусть как можно больше душ переживут глубоко тот ряд ночей, что следует за Рождественской ночью, тогда эти души смогут ощутить тот призыв, что теперь звучит через весь мир: направить свое внимание на явление Иисуса, который ожидал наступления того момента на Земле, когда он смог найти на земле смерть, чтобы в своей духовной жизни после смерти человечеству и земному развитию дать новый смысл.

Почувствуем же нечто от этого Рождественского настроения, которое может войти в наши души именно из духовной науки! Этим я бы хотел выразить перед вами ощущение внутренней души святого Рождественского приветствия, чтобы в вас могло возникнуть очень многое от этого Рождественского настроения, которое есть новое откровение Христа для тех, кто имеет добрую волю. Да будет мне позволено в этот момент начать Рождественский праздник,

после того, как я предпослал ему сказанное сегодня, сказанное со всей серьезностью, подобающей тому положению, в котором находится ныне мир. Из этой серьезности со всей сердечностью, дорогие друзья: святого, праздничного Рождества!

III. ХРИСТИАНСТВО И ГНОЗИС. «Я» ХРИСТИАНСТВА

**25 декабря 1918 г.
Дорнах**

Когда в прошлое воскресенье я делал некоторые указания относительно обновления Рождественского размышления, то я говорил о том, как человек – я имею в виду внутреннего человека, который низойдя из духовного мира соединяется с тем, что приходит к нему из потока наследственности – как этот человек, вступая в бытие, в котором он затем живет от рождения до смерти, входит в него с импульсом равенства.* Я говорил, что будучи наблюдательным, можно заметить, как проявляется у ребенка этот импульс равенства: ребенок еще ничего не знает о той дифференциации, что выступает в социальной структуре человечества через отношения, в которые Карма ставит людей по отношению друг к другу. Я тогда говорил: если ясно и непредвзято посмотреть, то определенные способности, дарования и даже гениальность представляются такими, что силы, живущие в них, следует во многом приписать тому, что приходит по линии наследственности. В них действуют

импульсы, приходящие через естественный поток наследственности, они суть люциферической природы. В наше время эти импульсы только тогда могут быть правильным образом внесены в социальную структуру, когда человек осознает их люциферическую природу, будет научен тому, как вычленив из них люциферическое и принести на алтарь Христа то, что чем природа одарила его, в очищенном, метаморфизированном виде.

Мы различаем две точки зрения. Одна из них имеет дело с тем, что проходит через кровные отношения, через родственные связи рождения и выступает как различия людей. Другая точка зрения имеет в своей основе тот импульс равенства, что человек несет в своем сущностном ядре в начале земного жизненного пути. Этим указывается на то, что человека можно правильно увидеть только если рассматривать его в связи со всем жизненным путем, когда действительно во внимание принимается временное его развитие между рождением и смертью. Уже здесь, но в другом отношении, мы указывали на то, как мотив развития изменяется в ходе жизни между рождением и смертью. Это указание на мотив развития, сделанное другим образом, можно найти в моей статье, опубликованной в последнем номере журнала «Царство», где говорится об ариманическом и люциферическом в человеческом теле. Там говорится, что в первой половине жизни определенную роль играет люциферическое, а во второй – ариманическое, что эти импульсы Аримана и Люцифера действуют через всю жизнь человека, но различным образом.

* Имеется в виду первая лекция данного цикла.

Наравне с идеей равенства, мы видим в новое время выступающей другую идею, которая, как я тогда в воскресенье говорил, протискивается беспорядочным образом, пытаюсь предвосхитить гармоничное развитие, в котором новое сначала воспринимается как идея и лишь затем постепенно изживается в развитии человечества, если оно хочет идти ему во благо, а не во вред. Так что рядом с идеей равенства мы имеем другую идею, отношение которой к жизни можно правильно понять и оценить лишь в том случае, если правильно определить ее место во временном ходе человеческого физического бытия.

Рядом с идеей равенства раздается в современном мире идея свободы. Об этой идее свободы я недавно говорил в дополнениях к новому изданию (1918 года) моей «Философии свободы». Мы в состоянии оценить всю важность и значение этой идеи свободы в связи с самым внутренним сущностным ядром человека. Но кое-кто из вас вероятно знает, что в вопросах, которые с необходимостью возникают там, то здесь, указывается на полнейшую исключительность понимание свободы, как оно дано в моей «Философии свободы». Я всегда считал необходимым точку зрения на идею свободы выделять, поскольку в продолжение всего нового времени различные философские воззрения на свободу делали одну ошибку – если это можно назвать ошибкой – потому что ставили вопрос следующим образом: Свободен человек или несвободен? Можно ли приписать человеку свободную волю, или он поставлен внутри абсолютной природной необходимости и из этой необходимости совершает свои действия и волеизъявления? Такая постановка вопроса неверна. Не существует никакого либо-либо. Нельзя сказать: человек свободен или несвободен, но его можно понять в развитии от несвободы к свободе. И тот род и образ, каким вы находите постигнутым импульс свободы в моей «Философии свободы», показывает вам, что человек становится все более и более свободным, что он выкарабкивается из необходимости и все более и более в нем возрастает импульс, позволяющий ему стать свободным существом в окружающем его мировом порядке.

Итак, импульс равенства достигает своей кульминации при рождении – хотя и минуя сознание, которое хотя и живет, но еще недостаточно развито – затем убывает. Импульс равенства, таким образом, имеет нисходящее развитие. Схематически это выглядит так:

Рождени е	Середина жизни	Смерть
Равенств о	Братство	Свобода

При рождении идея равенства находится в своей кульминации затем движется по нисходящей кривой. С идеей свободы имеет место обратное. Свобода идет по восходящей

линии и достигает своей кульминации в момент смерти. Этим я не хочу сказать, что человек в момент прохождения через врата смерти достигает вершины свободно поступающего существа. Но относительно, в ходе своей жизни, человек все более и более развивает в себе импульс свободы, идя к моменту смерти, и, говоря относительно, наибольшую возможность быть свободным существом вырабатывает в тот момент, когда человек через врата смерти вступает в духовный мир. В то время как вступая через рождение в физическое бытие, человек приносит с собой из духовного мира равенство, которое затем в ходе физической жизни убывает, именно в ходе физической жизни развивает он импульс свободы, и в наибольшей достижимой для него мере этот импульс свободы он вносит затем через врата смерти в духовный мир.

Отсюда вы, опять-таки, видите, как односторонне, часто, рассматривается человеческое существо. Говорят о человеке вообще, абстрактно, поскольку сегодня не склонны иметь дело с действительностью. Но человек - не стоящее на месте существо, он постоянно находится в становлении. И чем больше он обладает возможностью быть становящимся существом, тем в большей мере он исполняет здесь, в физической жизни, свою настоящую задачу. Те, кто остаются жесткими, антипатичными к тому, чтобы развиваться, мало осуществляют из того, что, собственно, является их земной миссией. Сегодня вы уже не те, чем были вчера, и завтра вы станете другими. Это может носить характер довольно тонких нюансов. Но благо тому, у кого эти нюансы вообще имеются, ибо остановка есть арианизация. Нюансы должны быть. В жизни человека не должно быть ни одного дня, в который он, по меньшей мере, не воспринял бы в себя хотя бы одну мысль, которая его хотя бы в малой степени да изменила, которая хотя бы в малой степени, но дала ему возможность стать становящимся существом, а не просто пребывающим. Поэтому действительно видеть человека в его настоящей природе можно не тогда, когда в абсолютном смысле утверждается: Человек вправе притязать на свободу и равенство - но когда знают, как импульс равенства достигает кульминации в начале жизни, а импульс свободы - в ее конце. Человеческое становление в ходе земной жизни можно постичь во всей его сложности (комплексности), если принять во внимание подобные вещи, а не взирать абстрактно на

человека и говорить: он имеет право на свободу, равенство и братство и т.п. Эти вещи через духовную науку могут быть вновь приближены к человеческому сердцу (душе), до которого никому нет дела в абстрактном, идущем через материализм, новом разветвии.

Теперь о третьем импульсе - братстве. Его особенность состоит в том, что он достигает своей кульминации в середине жизни. Его кривая сначала восходит, а потом нисходит (см. рисунок). Суть дела здесь можно выразить таким образом: В середине жизни человек пребывает в неустойчивом, шатком состоянии в отношении душевного к физическому, и тогда он имеет сильные предпосылки для развития братства. Он его не развивает постоянно, но предрасположен к этому. В середине жизни он имеет для развития братства, так сказать, наилучшие предварительные условия.

Так подразделяются указанные три импульса на протяжении всей человеческой жизни. Во время, навстречу которому мы идем, станет совершенно необходимым для понимания человека, а также и для так называемого самопознания, иметь в виду эти вещи. Невозможно прийти к правильным идеям относительно совместной жизни людей, если не знать, как разделяются импульсы в ходе человеческой жизни. Нельзя знать конкретно, не приобретя себе этих знаний, поскольку тогда остается неизвестным, как конкретно относится молодой человек к старому, старый - к человеку средних лет, тогда не будет принята во внимание особая конфигурация этих внутренних импульсов человеческого существа.

Но соединим теперь то, что мы здесь рассмотрели, со сказанным о постепенном развитии ребенка, всего рода человеческого (лекция от 11.01.1918 г. в цикле «Истины мистерий и Рождественский импульс. - Древние мифы и их значение»). Вспомните, как я излагал изумительную связь, зависимость человека от его телесности, которую ныне человек имеет в отношении развития своей души в самые юные годы, как это чувствовалось, переживалось в древности вплоть до зрелого возраста - мы имеем в виду в послееатлантическую эпоху. До 50-ти лет, говорил я, человек был в период древнеиндийской культуры так зависим от своего физического, от так называемого физического развития, как ныне он зависит

только в юности. В первые годы жизни человек зависит от своего физического развития. Нам известны отрезки жизни до смены зубов, затем до половой зрелости (14 лет) и т.д. В первые годы развития мы отчетливо видим параллелизм между душевным и телесным развитием. Затем это прекращается, исчезает. И я указывал, как в древние культурные эпохи послеатлантического времени этого еще не было.

Возможность придти к мудрости естественным путем существовала благодаря одному тому, что человек просто жил как человек и приходил к высокой мудрости, наследуя ее, как это было в древней Индии, Персии и т.д. Эта возможность существовала благодаря тому, что все дело обстояло иначе, человек в 20 лет не становился законченным существом, так чтобы уже больше не зависеть от физической организации, и чтобы эта организация больше ничего не вплоть до 50-ти лет. В то время во второй половине жизни без особого оккультного развития возникала возможность элементарным образом из телесного развития извлечь силы, чтобы придти к определенной мудрости и развитию воли. Я указывал вам, что означало для древнего перса или индуса, собственно, даже и для египетско-халдейской эпохи, когда мальчику или девочке, юноше или девушке говорилось: Ты должен ждать старости, тогда в твоём человеческом теле произойдет то, что одарит тебя тем, что могла ему дать. Такого не было в древние времена – об этом говорил я. Тогда физическая организация сама вливалась мудрость человеку в душевную организацию будет необходимо тебе до конца жизни. В этом была причина того, что на старость взирали с почтением, поскольку говорили себе: С возрастом в жизни начинает действовать такое, что нельзя желать, нельзя знать в юности. Это давало социальной жизни определенную структуру, которая исчезла с наступлением греко-латинской эпохи, когда отмеченная зависимость от телесного опустилась до середины человеческой жизни. До 50-ти лет был способен к развитию человек древнеиндийской культуры. Затем человек помолодел, и время зрелости человека стало наступать в конце сороковых годов в древнеперсидскую эпоху, между 35-ю и 42-мя годами в древнеегипетскую. А в греко-латинскую эпоху зрелость (способность к развитию) прекращалась между 28-ю и 35-ю

годами. Во время, когда произошла Мистерия Голгофы, человек был способен к развитию до

33-х лет. Этим открывается нечто удивительное в развитии человечества, а именно: возраст Того, Кто прошел через смерть на Голгофе, возраст Христа Иисуса, совпадает с тем возрастом, до которого могло развиваться человечество того времени. И еще было указано на то, что человечество будет становиться все моложе и моложе, что означает, что оно сохранит способность к развитию в течение совсем небольшого ряда лет. В этом состоит особенность уже нашего времени, когда в 27 лет прекращается способность что-либо воспринимать из того, что подступает извне. Я упоминал, что Ллойд Джордж как раз в этом отношении является типичным человеком нашего времени – он в 27 лет вступил во внешнюю жизнь.* Безгранично многое следует из этого. Вы можете об этом прочесть в биографии Ллойда Джорджа. Эти вещи позволяют изнутри увидеть мировые отношения.

Теперь спросим, что же для нас является самым важным, когда мы изложенную точку зрения на постоянное помолодение человечества свяжем с другой, которая в эти дни в связи с Рождественским размышлением была проведена перед вашими душами? Это является наиболее характерным для современного нам развития после Мистерии Голгофы, что мы, собственно, с помощью того, что дано нам от природы, из нашего организма ничего не можем приобрести после тридцати лет. Если бы Мистерия Голгофы не наступила, то мы с тридцати лет ходили бы по Земле и должны бы были сказать себе: Собственно, мы живем правильно до 32-33-х лет самое большее. До этого возраста наш организм дает нам возможность жить. Затем мы можем с полным успехом умирать. Ибо через естественное развитие, через элементарные события природы, через импульсы нашего организма мы больше не можем развивать наше душевное. Так были бы мы вынуждены сказать, если бы не произошла Мистерия Голгофы. Земля была бы наполнена людскими стенаниями, люди были бы вынуждены сказать: что мне делать с моим телом после 33-х лет! До тех пор еще возможно нечто

* 1863-1945. Министр с 1905 года, в 1916-22 гг. – премьер

министр.

извлечь из моего организма. Но после этого времени я вполне могу умирать, как живой труп брожу я по Земле. Так многие люди ощущали бы, что они как живые трупы бродят по Земле, если бы не произошла Мистерия Голгофы. Но Мистерия Голгофы должна еще во многом другом стать благодетельной. Мы не должны просто бессознательно, как во многих других случаях это имеет место среди людей, воспринимать в себя импульс Голгофы, но мы должны воспринять его сознательно. Мы должны сознательно так его воспринять, чтобы через импульс Голгофы юно свежими оставаться до старости. И он должен сохранить нас здоровыми и юно свежими, если мы правильным образом, сознательно воспримем его. И тогда это обновляющее действие Мистерии Голгофы мы сделаем сознательным для нашей жизни. И это очень важно, мои милые друзья.

Таким образом, вы видите: Мистерия Голгофы внутри нашей земной жизни может быть воспринята как нечто очень живое. Я говорил перед этим, люди в середине жизни, около 33-ти лет, особенно предрасположены к братству. Но они не могут построить этого братства. Здесь основание этого вы имеете в том, что я сказал. Те, кто не могут этого братства выработать, утрачивают нечто от этого братства – они мало пронизаны Христианством. Поскольку человек определенным образом умирает в середине жизни через силы естественного развития, он не может импульс, инстинкт братства, также как и импульс свободы, который люди ныне так мало ощущают, развить правильным образом, если они не делают в себе живыми мысли, которые исходят непосредственно от импульса Христа. Поэтому непосредственный импульс Христа, когда мы обращаемся к нему, поощряет развитие братства. В той мере, в какой ощущают необходимость братства, оказываются пронизанными христианством. Но человек, оставшись один в оставшийся период земного развития – в будущем это будет по-иному – не смог бы развить всю силу импульса свободы. Поэтому в развитие людей на Земле вступило то, что произошло из смерти Иисуса Христа и соединилось с этим земным развитием человечества. Поэтому Христос в главном есть водитель человечества к свободе. Мы становимся

свободными во Христе, когда импульс Христа понимаем так, что Христос не мог стать старше в физическом теле, не мог жить дольше в физическом теле, чем до 33-х лет. Представим себе гипотетически, что он прожил бы дольше, тогда он в физическом человеческом теле дожил бы до той поры, когда это тело, согласно современному развитию Земли, было предопределено к смерти. Тогда силы смерти он воспринял бы как Христос. И доживи Он до сорока лет, Он бы в теле пережил силы смерти. Этого Он не должен был делать. Ему нужно было пережить только омолаживающие силы человека. Только до этого периода действовал Он. До 33-х лет, до середины жизни возбуждал Он импульс братства, передав затем то, что как силы пребывало в человеке, Духу, Святому Духу, когда Он Сам покинул тело. Через этот Святой Дух, оздоравливающий Дух, человек может развиваться к свободе до конца жизни. Так вчленился импульс Христа в это конкретное человеческое тело.

Таково внутреннее пронизание человеческого существа принципом Христа, таково то, что как новое Рождественское размышление может быть воспринято в человеческое знание. Необходимо знать, как человек исходит из духовного мира, неся в себе равенство. Это ему дано; дано, скажем, Богом-Отцом. Затем он развивается к кульминационному переживанию братства, что может произойти правильным образом только с помощью Сына, а затем через Христа, соединенного с Духом, человеческое развитие идет к свободе до момента смерти.

Это действие (соучастие) импульса Христа в конкретном формировании человека есть то, что отныне должно быть воспринято в сознание души. В этой связи особенно (единственно) целительным является усиление, воспламенение человеческого стремления к выработке социальной структуры. В этой социальной структуре живут дети, люди среднего и преклонного возраста, и социальная структура охватывающая их всех, может быть найдена только в том случае, когда человек не берется просто как человек, абстрактно. Пятилетний ребенок – человек, 20-летний юноша, 20-летняя девушка – люди, 50-летний – тоже человек, все – люди. Но это хаотическое сваливание всего в кучу не приводит к нужному пониманию человека, которое необходимо, чтобы исполнить требование настоящего и будущего. Хаотическое сваливание

всего в кучу самое большее приводит к тому, что думают: Человек есть человек, и в 20 лет он может быть избран в парламент. Такие вещи разрушительны для социальной структуры. Они покоятся на том, что в наше время не хотят наблюдать человека каким он конкретно является. Но конкретно, в данном случае, означает не абстракцию: человек, человек, человек, а человека в конкретном возрасте, с определенными импульсами. Человеческое познание должно быть выработано, но оно может быть выработано в том случае, если развитие того, что как сущностное ядро в человеке живет от рождения до смерти, принять действительно во внимание! И человек будет склонен воспринимать подобные вещи в человеческое сознание, если окажется в состоянии бросить взгляд на прошлое развитие человечества.

Вчера я указывал вам, что вошло в развитие человечества с Христианством, когда Христианство определенным образом было рождено из иудейской души, греческого духа и римского тела. Все это стало некоего рода оболочками Христианства. Но в Христианстве еще есть живое «Я», и оно должно быть рассмотрено особо, когда смотрят на Рождение Христианства. Для внешних исторических свидетельств рождение Христианства связано с полной неразберихой. То, что сегодня обычно пишется о первых веках Христианства – со стороны ли католической или протестантской – есть поистине мудрость, полная хаоса. Многое, что живет в первых веках Христианства, для теологов нашего времени или полностью забыто или вызывает у них ужас (отвращение). Ибо вы только почитайте, в какие поразительные конвульсии интеллектуализма приходят люди, в конвульсии, можно сказать с интеллектуальной эпилепсией, когда они пытаются характеризовать то, что в первые века Христианства существовало как гнозис. Это поистине чертовщина, симонизм, который ни в каком случае не следует впускать в человеческую жизнь – вот что такое для них гнозис! И когда теологи или другие им подобные представители того или иного вероисповедания хотят обвинить Антропософию, то приписывают ей причастность к гнозису как к чему-то такому, хуже чего быть не может.

Но, несмотря на это, в первые века развития Христианства этот гнозис в действительности имел куда

большее значение в духовной жизни европейских народов, чем это могут представить себе теперь.

Об этом, с одной стороны, просто не имеют никакого представления, что такое был гнозис, а с другой стороны, я мог бы сказать, к нему испытывают тайный страх. И он является для современных официальных представителей того или иного вероисповедания просто чем-то ужасным. Но его нужно рассмотреть без всякой симпатии и антипатии, как чисто фактическое явление. И здесь изучение может вестись только духовнонаучно, поскольку внешне-исторические документы мало чем могут помочь. Европейская церковь позаботилась о том, чтобы все памятники этого гнозиса искоренить огнем и мечом. Уцелело очень немного, как вам известно, и что составляет лишь неясный образ гнозиса, как, например, «Пистис София» и кое-что еще. О гнозисе знают из писаний Отцов Церкви, в которых они его ниспровергали. Гнозис знают из писаний его врагов, в то время как его собственные сочинения были искоренены огнем и мечом.

Вдумчивое же рассмотрение развития европейской теологии – такого, правда, в действительности почти не существует – оказывается во многом довольно сомнительным предприятием. Так, например, когда хотят понять развитие христианской догматики таким, каким оно было в действительности, приходят к выводу, что эта догматика коренится в чем-то ином, чем простой произвол или тому подобное. В сущности все догмы основываются на гнозисе. При этом отброшено все живое в гнозисе и на нем построены абстрактные мысли и понятийные оболочки, так что их живой первоисточник распознать больше невозможно. Но этот живой источник – он находится в гнозисе. Если вы исследуете гнозис духовнонаучно, т.е. таким, каким он был в действительности, то для вас прольется свет на многие вещи, которые исторически были спрятаны противниками гнозиса. Тогда вы действительно скажете себе: Гнозис, по сути дела, является распространенным на все, очень конкретным, построенным на атавистическом ясновидении мировоззрением древних времен, остатки которого имелись в первой послеатлантической культуре, в меньшей степени – во второй. Последние остатки этого древнего ясновидения были переработаны в удивительную систему понятий гнозиса, которая была

исключительно образной. Кто исследует гнозис с этого времени, тот имеет в своем распоряжении лишь отрывочные исторические свидетельства, в большей степени сохранившиеся в языческом гнозисе, чем в Христианском, и он находит тогда, что этот гнозис содержал в себе поистине удивительные сокровища мудрости, мудрости, которая пребывала в мире и о которой теперь ничего не хотят знать. Так что нет ничего удивительного в том, когда доброжелательные люди ничего не могут поделаться с древним гнозисом. Например, такой человек, как Лейпцигский профессор Иеремия и хотел бы как-то войти в эти вещи, но он не может составить себе никакого представления о том, что представляют собой эти древние понятия, к чему они относятся, когда, например, говорится о таком духовном существе как Ялдабаоф, который высокомерно притязал на господство над миром и его мать увещевала его и т.д. Такие могущественные образы сияют из исторических хранилищ, образы подобные этому Ялдабаофу, который говорит: Я есть Бог-Отец, надо мной нет никого. А мать возражает ему: Не лги, над тобой всеобщий Отец, первый человек и Сын Человеческий. – Тогда, как рассказывается далее, позвал Ялдабаоф шесть своих помощников и сказал: Сотворим человека по нашему образу и подобию.

Перед вами примечательный диалог между Ялдабаофом и его матерью, а затем шестью помощниками, которые приходят к заключению: Сотворим человека по нашему подобию. Но такие образы, такие имагинации, которые совершенно наглядны, они широко и многочисленно пребывали там, где господствовал гнозис. В Ветхом Завете мы имеем лишь остатки, те остатки, которые сохранило иудейское предание, остатки грандиозных образов, пребывающих в древнем гнозисе, жившем на Востоке, лучи которого пришли на Запад и которые в III-IV столетии уже дотлевали, но затем еще действовали у Вальдензеров и Катаров, но в тлеющем виде.

Становится ясно, что в первые христианские столетия в душах людей жили не просто представления, которые теперь живут у католиков, но были живы отзвуки могущественного мира образов гнозиса, о чем современные люди не имеют никакого понятия. Все выглядит совершенно по-иному, когда оглядываются на то, что в душах первых веков Христианства внутри европейских цивилизованных стран все выглядит

бесконечно иначе, чем когда заглядывают в книги, в которых об этом написано всемирно известными церковными теологами и им подобными учеными. Ибо из этих книг выпадает все, что было живым в столь могучих, грандиозных образах, относящихся, как было сказано, к миру, о котором люди ныне не имеют никакого представления. Поэтому образованный, в смысле современной учености, человек не знает, как поступить с этими понятиями, которые дошли до него. И он не знает, для чего нужны Ялдабаоф, его мать и шесть помощников. Они для него лишь слова, словесные оболочки, он не знает, к чему они относятся. И менее того знает он, как люди однажды пришли к ним, как они образовали эти представления. Поэтому современному человеку не остается ничего иного, как сказать: Ну эти древние жители Востока, у них была сильно развита фантазия, они все представляли фантастически! И можно только удивляться, что эти господа совершенно не чувствуют, насколько мало фантазии содержала самая элементарная жизнь человека, сколь незначительную роль играла фантазия, например, даже у простых земледельцев. От этого незнания чрезвычайно страдают мифологи (исследователи мифов). Именно они придумали, что простые люди преобразовывали плывущие облака, взбудораженные ветром, во всевозможных фантастических существ и т.п. Люди совершенно не представляют себе, как выглядели душевно те, кому они все это приписывают, как далеко те были от поэтизации подобного рода по своему самому глубочайшему существу. Фантазия господствует только в кругах мифологов, ученых, которые все это измышляют. Вот это действительно фантазия.

То, что ныне придумали назвать источником мифологии и тому подобного, есть просто заблуждение. И сегодня просто не знают, к чему, собственно относятся слова и понятия, о которых тогда говорилось. Несомненно, я мог бы сказать, точные указания, как следует понимать вещи, больше совершенно не принимаются во внимание. Платон совершенно точно указывал людям на то, что человек, когда он живет здесь, в физическом теле, вспоминает кое о чем из того, что он пережил перед физическим бытием, в духовном мире. Но с этой платоновской памятью современные философы не знают, что делать. Представляют дело так, будто бы Платон немного фантазирует. Тогда как в действительности Платон еще

осознает, что греческая душа была предрасположена, хотя обладала уже последними остатками этой предрасположенности, – развивать в себе нечто пережитое до рождения, в духовном мире. Кто между рождением и смертью воспринимает только в физическом теле и восприятия перерабатывает современным рассудком, тот никакого разумного смысла может связать с высказыванием, которое не может быть постигнуто в физическом теле между рождением и смертью, но лишь между смертью и новым рождением, которое переживается до того, как человек родился. В том мире были люди, которые могли говорить о Ялдабаофе, который восстал высокомерно, которого мать увещевала и который призвал шестерых помощников. Для людей, находящихся между смертью и новым рождением подобная истина столь же реальна, как здесь для людей в теле реальные растения, животные, минералы и другие люди. И гнозис открывал то, что при рождении бралось с собой в физический мир. И в определенной степени человек мог это делать до египетско-халдейской эпохи, до VIII столетия до Р.Х., приносить много пережитого с собой из времени, лежащего между смертью и новым рождением. То, что тогда приносилось с собой, облекалось в понятия и идеи, и это есть гнозис. Он жил затем далее в греко-латинскую эпоху, где это воспринималось уже не непосредственно, а как наследие жило в идеях, происхождение которых сознавали лишь избранные, как Платон, в меньшей степени Аристотель; Сократ также это сознавал и именно за это знание заплатил жизнью. Так следует искать происхождение гнозиса.

Но как же в целом обстоит дело с этим четвертым греко-латинским послееатлантическим периодом культуры? Видите ли только спорадически стало возможным воспринимать воспоминания о жизни до рождения. Но все-таки эта возможность еще существовала и именно во времена древней Греции вполне отчетливо кое-что знали о переживаниях до рождения. Сегодня человек бесконечно горд силой своей мысли, хотя с помощью этой силы он может ужасно мало что понимать. Сегодняшняя игра мысли – это объект, которым нужно поменьше гордиться, ибо ее способности крайне ограничены. Сила мысли, которой, например, обладали греки, была совсем другой природы. Она была такой, что когда

человек проходил через рождение, образы пережитого в духовном мире в определенной степени терялись, но оставалась та сила мысли, которой человек пользовался до рождения, помогавшая с этим образом (до рождения) связать разумный смысл. В этом именно состоит особенность греческого мышления; оно было совершенно отличным от современного так называемого нормального мышления. Ибо это греческое мышление таково, что с его помощью научались перерабатывать имажинации, получаемые до рождения. О самих этих имажинациях человек мало что помнил, но существенное, что при этом оставалось, была пронизательность, которой человек пользовался до рождения, чтобы не потеряться в мире, который он воспринимал в имажинациях. И самым существенным в эту четвертую послееатлантическую культуру, которая, как вы знаете, длилась до XV столетия, было то, что в ее ходе убывала сила мысли. Теперь, в V-ой культурной эпохе, наша задача состоит в том, чтобы снова развить эту силу мысли. Мы должны ее постепенно развить из лепета естественнонаучного мировоззрения. Сейчас мы вначале этого пути. Итак, если IV-я послееатлантическая культура (747г. до Р.Х. – 1413 г. после Р.Х.) в середине которой лежит событие Голгофы, представляет собой постепенное убывание силы мысли, то с ее окончанием началось постепенное убывание силы мысли, то с ее окончанием началось постепенное усиление этой силы мысли, которая в III-м тысячелетии снова достигнет достойной высоты. Сегодняшней же силой мысли человеку не следует особенно гордиться. Во многих случаях она убывает до сих пор. Кому удалось более или менее удержать наследие прежней силы мысли, тот еще был в состоянии проскользнуть как-то в гностические образы. Они, конечно, уже не обладали той отчетливостью, что была присуща им, например, в Египте или Вавилоне, но еще несли в себе силу мысли, которая затем иссякла. Все это имело место в первые христианские столетия.

Когда произошла Мистерия Голгофы, родилось Христианство. Убывающая сила мысли, которая на Востоке еще была очень живой и была перенята затем Грецией, искала возможностей понять это событие.

Римляне обладали очень незначительным пониманием его. Но эта сила мысли искала возможности понять событие

Голгофы с точки зрения мышления, которое имеет место до рождения, с точки зрения мышления духовных миров. И происходит нечто особенное: это гностическое мышление становится перед Мистерией Голгофы. Давайте посмотрим на гностические учения о Мистерии Голгофы, на те учения, что кажутся столь ужасными для сегодняшних христианских теологов: эти учения на основе древнего атаквистического ясновидения, еще пронизанного былой силой мысли, говорят много величественного, грандиозного о Христе, что сегодня считается ересью, ужасной ересью. Лишь постепенно, мало-помалу, исчезает эта способность гностического мышления. Мы встречаем ее еще у Манеса (215-276) в III-ем тысячелетии, затем она прослеживается у катаров – явных еретиков с точки зрения католиков – и все это время живет величественное, грандиозное постижение Мистерии Голгофы. Но все это, в то же время, тает в первые столетия и заменяется ограниченным, как можно менее связанным с мышлением, взглядом на Мистирию Голгофы. Обе тенденции борются между собой: гностические учения, желающие постигнуть Мистирию Голгофы с помощью могущественного духовного мышления, и то другое, что считается лишь с тем, что должно прийти, но ничего еще нет, а именно, с лишенным остроты мышлением, способным поэтому абстрактно, так мало, как это только возможно, понимать Мистирию Голгофы. Тайна Голгофы, космическая тайна, сводится к нескольким изречениям, образующим начало Евангелия от Иоанна, изречениям о Логосе, о Его вступлении в мир и о Его дальнейшей судьбе в мире – в них содержится минимум понятий, поскольку следует считаться со слабеющим мышлением.

Таким образом, вы видите, как догорает гностическое постижение Христианства, как восходит другое его постижение, допускающее минимум понятий. При этом одно, естественно, переходит в другое. Такие понятия, как догмат о Троице и другие, они взяты из гностических воззрений, доведены до степени абстракций и употребляются в понятийных оболочках. Но действительно живое пребывает в борьбе между бесконечно гениальным гностическим постижением Мистерии Голгофы и тем другим, что работает с возможно меньшим объемом понятий и хочет считаться с тем фактом, что с XV-го столетия древняя унаследованная сила

мысли убывает и живет в примитивных воззрениях на природу, которые имеют место в естествознании. Вы можете это изучить этап за этапом, вы можете это изучить во внутренней душевной борьбе, если познакомитесь с Августином, который в юности имел связь с гностическим Манихейством, но не мог этого переварить и тогда обратился к так называемой простоте, к примитивным понятиям. Эти понятия становились все примитивнее и примитивнее. Но от Августина исходит также первый рассветный луч того, что должно теперь быть вновь выработано: познание, исходящее из человека, из конкретного человека. В древние гностические времена пытались исходить из мира и идти к человеку. Но теперь следует исходить из человека и через познание человека вновь приобретать знание о мире. В будущем будут идти от человека к Космосу, в древние времена от Космоса шли к человеку. Некоторое время тому назад я уже говорил об этом, что следует увидеть этот первый рассветный луч. Вы находите его, например, в исповедании Августина, хотя еще в совершенно хаотическом виде. Главное тут заключается в том, что человечество все более и более оказывалось неспособным воспринять то, что в форме имагинативной мудрости переживалось древними, действовало в гнозисе, который затем покинула проницательная сила мышления, которой еще владели древние греки. Так что в греческой мудрости многое, пусть будучи увязанным в абстрактные понятия, действовало таким образом, что люди владели идеями, которые, собственно, можно понять лишь с точки зрения духовного мира. Затем это прекратилось – люди больше не могли понимать духовный мир с помощью идей, которые дотлевали.

Гречество обладает той особенностью, что современный человек, знакомясь с греческими идеями, очень легко замечает в себе чувство: они имеют отношение к чему-то совсем иному, чем то, с чем их связывают теперь. Греки еще имели идеи, но уже не имели больше имагинаций. Особенно у Аристотеля это сильно бросается в глаза. Вы знаете, что об Аристотеле написаны целые библиотеки книг – и это примечательно. Все об Аристотеле изложено тем или иным образом, и люди спорят, принимал ли Аристотель повторные земные жизни или предсуществование. Это происходит оттого, что его слова могут быть поняты не только в одном смысле, поскольку Аристотель

работает с такой системой понятий, которая применима к сверхчувственному миру, но сам он никакого прозрения в его не имел. Платон еще имел куда больше понятия об этом и потому смог в этом смысле совершеннее выработать свою систему понятий. Но Аристотель уже занят абстрактными понятиями и потому не может больше видеть, к чему относятся мыслеформы, которые он образует. В этом заключается причина и особенность борьбы первых столетий между постижением Мистерии Голгофы в свете сверхчувственного мира и сложившейся необходимостью, ведущей к фанатизму, отклонять это постижение. Не все видят это эти вещи, но лишь некоторые. Но и те, кто их видел, нечетко подходили к их трактовке. К фанатизму вело примитивное постижение Мистерии Голгофы, постижение, которое много неистовствовало, но имело мало понятий.

Так что вы видите, как все более и более из Христианского мировоззрения и вообще из мировоззрения искоренялось сверхчувственное мышление, которое и само по себе иссякало. Мы можем, я бы сказал, столетие за столетием проследить, как во всей своей безграничной значительности Мистерия Голгофы стояла перед людьми, но как все более исчезала возможность понять ее с помощью какой-либо системы понятий или вообще космически постичь мир. Посмотрите на произведение IX-го века «Классификация природы» Скотуса Эригены. Как много еще имеют эти образы, хотя они и абстрагированы от действительного становления мира. Эригена прекрасным образом подразделяет становление мира на 4 этапа. Но его понятия повсюду недостаточны. Видно, что он не в состоянии сплести сеть понятий и понятно, правдоподобно изложить то, что он хочет сплести. Нити его понятий повсюду рвутся. Очень интересно видеть, как эта неспособность все более проступает от столетия к столетию, как неспособность связать нити понятий, наконец, в XV-м столетии достигает своего максимума. После этого момента снова начинается восхождение, которое вначале пребывает в элементарнейшей форме. Это интересно. С одной стороны, Мистерия Голгофы стоит в мире, и человек обращается к ней своим сердцем и выясняет, что он ее не понимает. Постепенно вообще везде занимает место ощущение, что ее нельзя понять. С другой стороны, приходит наблюдение природы, оно приходит

в век, когда чахнут понятия. В жизни выступает наблюдение природы, но оно не обладает никакими понятиями, чтобы явления природы, выступающие в жизни, могли быть понятны.

Это есть основное в том столетии на повороте от четвертой к пятой послеатлантической культуре в середине средневековья, что ни в зарождающемся наблюдении природы, ни в открытии целительных истин не применялось, не было достаточных понятий. Видите ли, чем является схоластика в данном случае? – Она, с одной стороны, есть религиозное откровение, но из образованности своего времени не могут извлечь никаких понятий, чтобы переработать эти религиозные откровения. Схоластика должна быть отнесена к Аристотелизму, который должен был быть обновлен. Обращаются назад, к гречеству, к Аристотелизму, чтобы приобрести эти понятия и с их помощью проникнуть в религиозные откровения. И с помощью греческого рассудка перерабатывают религиозные откровения, поскольку образованность времени, если позволят мне использовать такое парадоксальное выражение, никаким рассудком не обладает. И именно те, кто честно в это время занимаются схолистикой, не пользуются рассудком, поскольку его нет в это время, поскольку он не принадлежит культуре того времени. Для объяснения природы используется – в основном это происходит в X, XI, XII, XIII, XIV, XV-м столетиях, когда наиболее честные схоластики занимаются объяснениями природы – используются также для интерпретации религиозных откровений старые аристотелевские понятия. И тогда впервые как бы из глубины духовных сумерек выходит еще и донныне не особенно далеко развитое самостоятельное мышление: мышление Коперника, Галилея, которое должно себя еще преобразовать, чтобы теперь вновь подняться в сверхчувственные сферы.

Таким образом, в душе, в своем «Я» может человек видеть Христианство, которое лишь как оболочки несет на себе иудейскую душу, греческий дух и римское тело. Но это Христианство должно было, согласно своему «Я», считаться с угасанием сверхчувственного понимания и потому, неким образом, ужать всеохватывающую гностическую мудрость до того небольшого, что стоит в начале Евангелия от Иоанна. Ибо, в сущности, развитие Христианства состоит **из** Евангелия от

Иоанна под гнозисом. А затем все, естественно, впало в фанатизм, и гнозис был искоренен огнем и мечом.

Таковы обстоятельства, относящиеся к рождению Христианства. Со всем этим необходимо соприкоснуться, чтобы правильно воспринять импульс, для которого необходимо новое состояние человеческого сознания, новое Рождественское размышление. Мы вновь должны прийти к такому роду познания, которое имеет отношение к сверхчувственному. Для этого нам необходимо увидеть действующее в человеке сверхчувственное, которое мы тогда сможем расширить до космического. Нам нужно развить Антропософию, человеческую мудрость, которая может породить космическое ощущение. В этом состоит путь. Во времена древности человек мог созерцать мир, в котором он, войдя через рождение, мог с помощью воспоминаний внести в бытие переживания, которые он имел до рождения. Тогда физический мир был для него отражением духовного мира, и первый из них давал ответы на вопросы, принесенные через рождение из второго (духовного) . Теперь человек стоит перед физическим миром, ничего не принеся с собой, и должен с помощью примитивных понятий работать в том, что теперь называется естествознанием. Но он должен изменить это положение, он должен, исходя из человека, прийти к Космосу. В человеке должно родиться познание космического. Это есть нечто, составляющее Рождественское размышление, как оно должно быть выработано в современности, чтобы принести плоды в будущем.

IV. ХРИСТОС И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ «Я»

27 декабря 1918 г. Дорнах

Позавчера я попытался здесь указать га импульсы, из которых развилось Христианство. Мы могли вдеть, как собственное «Я» Христианства, его центр, некоторым образом облекся телом – это, конечно неудачное выражение, но до некоторой степени оно допустимо – состоящим из трех элементов: из древнееврейской души, греческого духа и римского тела. Теперь мы хотим позаботиться о том, чтобы христианские мысли сделать применимыми для разговора о современности, для этого мы, прежде всего, еще немного продолжим сделанные рассмотрения, попытаемся приобрести еще кое-какие воззрения на главную сущность Христианства.

Если хотят углубиться в развитие Христианства, то это можно сделать не иначе – вы могли это понять уже из моей книги «Христианство как мистический факт» – не иначе, как указав, в какой степени Христианство развилось из дохристианских мистерий. Сегодня, в общем-то, нелегко говорить о сущности Мистерий, поскольку в ходе развития человечества – это обусловлено необходимыми закономерностями – наступил как раз тот момент или, лучше сказать, та эпоха, в которой мы находимся теперь, когда Мистерии отступили назад, когда они уже не могут играть той роли, какую они играли, например, в то время, когда из их существа, как, впрочем, и из многого другого, развилось Христианство. Тот факт, что Мистерии в наше время отступили назад, имеет положительное основание, и в дальнейших сообщениях, которые будут сделаны сегодня и в ближайшие дни, мы еще коснемся этого основания, и тогда мы сможем понять, каким образом прежние Мистерии в их сущности должны быть основаны заново.

В древности – я говорю о дохристианских временах, о дохристианской Греции и о египетско-халдейской эпохе – в те древние времена людей приводило к Мистериям то обстоятельство, что мировоззрение тех времен понуждало их к восприятию такого убеждения: мир, который расстилается вокруг них, не есть непосредственно истинный мир, человеку необходимо искать особые пути и средства, чтобы проникнуть в мир истинный. Сильное ощущение некоторых фактов было свойственно людям того древнего времени. Эти факты целиком исключали существование каких-либо загадок познания. Тем людям было известно, что в сущность истинного мира не проникнуть с помощью внешнего созерцания, сколько бы ни пытаться это сделать. Чтобы вызвать в душе ощущение всей весомости этого знания древних времен, необходимо иметь ввиду, что мы говорим о временах, в которые большое число людей обладало еще совершенно внешним видением духовных элементарных фактов. Тогда не было того, что теперь свойственно большинству людей, что они воспринимают только впечатления внешних чувств: те люди воспринимали через явления природы духовных существ. Они также воспринимали действия, которые не исчерпываются тем, что мы называем природными процессами. И тем не менее, несмотря на то, что те люди говорили об откровениях элементарных духов в природе, они были в этом глубоко пронизаны убеждением, что созерцание этого внешнего мира – пусть даже ясновидческое – не может привести к его истинной сущности, что истинную сущность этого мира нужно искать на особом пути. Этот особый путь был затем выражен в греческом мировоззрении словами: «Познай самого себя».

Если искать истинного значения этих слов «Познай самого себя», то можно обнаружить следующее. Можно обнаружить, что сила этих слов происходит из взгляда, что как бы широко ни обозревать внешний мир, как бы далеко ни проникать во внешний мир, не только не найти сущности этого внешнего мира, но не найти также и сущности самого человека. Выражаясь попросту словами современного жизневоззрения, можно было бы сказать: Те люди были убеждены, что естествознание никаких объяснений человеческого существа дать не может. Но зато, с другой стороны, они были убеждены, что существо человека связано со всем миром окружающей

природы, и что если бы человеку удалось проникнуть в свое собственное существо, то он оказался бы в состоянии через познание своего собственного существа узнать нечто существенное также и об этом мире. Исходя из мира, в реальности которого они были убеждены, они не могли выяснить сущность этого мира. А из сущности человека, который ведь является членом этого мира, они могли, если им это удавалось, достичь познания и сущности последнего. Поэтому «Познай себя, чтобы познать мир». Таков, до некоторой степени, был импульс. И это был импульс, лежавший в основе египетско-халдейского посвящения. Всякое посвящение идет по ступеням – их стало привычным называть степенями – идет по ступеням, по степеням. Первая ступень, первая степень египетско-халдейского посвящения обозначалась следующим образом: о посвящаемом говорили: Он должен пройти через «Врата человека». Такова, примерно, была первая ступень: прохождение через врата человека. Это значит, что человек должен самого себя сделать вратами познания. Должен был быть познан человек, поскольку на пороге в мир в самом человеке существенным в древнем посвящении, что лют действительно интенсивнейшим образом вбирали в себя ощущение: они стоят перед чем-то таким, перед чем они нигде не могли стоять во внешней жизни.

Со всеми душевными силами, с которыми еще и сегодня хозяйничают во внешней жизни, того состояния души не достичь. С теми силами, которыми человек сегодня охотно пользуется, с помощью которых он сегодня ест и пьет, с помощью которых он может социально двигаться среди человеческих классов тем образом, каким он это делает теперь, с помощью которых он занимается торговлей, бюрократией, становится профессором, занимается наукой, с помощью всех этих сил и способностей не познать действительность. Состояние души, с которым в древние времена хотели познавать, было существенно иным. То состояние души не должно было иметь ничего общего с силами души, которыми пользовались во внешней жизни – те другие силы должны были быть извлечены совсем из других мест. Эти места всегда имеются в человеке, но человек испытывает чрезвычайный страх перед тем, чтобы их как-то коснуться. Посвященный же должен совершенно преднамеренно привести эти места в

действие. Что же касается современного человека, самого обычного профана, то он и в те времена избегал в себе всего, с чем не хотел иметь дела, о чем он охотно строил себе иллюзии, охотно позволял себя одурманивать. Поэтому внешне – хотя это должно быть было понято более внутренне – это описывалось как переживание ряда состояний страха, через которые, тем не менее, нужно было пройти, поскольку в душе человека только то может быть целенаправленно познано, что лежит в тех местах, перед которыми человек в обычной жизни испытывает страх. Лишь только из этого настроения души, к которому смело идут, которое действительно переживают, когда не боятся встретиться с незнакомым – ведь через этот страх приходят к познанию – только из этого настроения души человек приводится в к тому, что я уже охарактеризовал как нисхождение человека через небесные сферы, или духовный мир, к земному воплощению, и через которые, как через восемь ступеней он вновь восходит при посвящении. Сегодня, естественно, этому могут только подражать, сегодня этому могут подражать в соответствии с привычками нашего времени. Но в прежние времена человек действительно вводился в эти переживания.

Для нас особенно важны последствия такого пребывания посвящаемого перед вратами человека. Человек перестает, после того, как он постигает весь смысл своего пребывания перед вратами человека, рассматривать себя как – простите за выражение – зверя на двух ногах, являющегося обобщением других царств природы здесь на Земле. Он начинает рассматривать себя гражданином всего мира, он начинает рассматривать себя как принадлежащего к небесам, к тем, которые он видит, и к тем, которых он не видит. Он начинает чувствовать себя единым со всем Космосом, чувствовать себя действительно микрокосмом, не просто маленькой Землей, а маленьким миром. Он чувствует свою связь с планетами и неподвижными звездами, чувствует себя рожденным из мироздания. Некоторым образом можно сказать: Он чувствует, что его существо не кончается на кончиках пальцев, на кончиках ушей и кончиках зубов, а простирается за его земную телесность в бесконечное пространство и через это бесконечное пространство далее в духовность. Таковы были последствия.

Не пытайтесь особенно эти последствия выразить в абстрактных понятиях, ибо эти абстрактные понятия мало что вам дадут. Сказать, что человек это микрокосм, маленький мир и при этом остаться только с абстрактными мыслями – это мало что собой представляет, это есть попросту иллюзия, попросту заблуждение. Ибо существенным в тех древних Мистериях были непосредственные переживания. Посвящаемый действительно переживал перед воротами человека свое родство с Меркурием, Марсом, Юпитером, Луной. Он действительно переживал, что те иероглифы, которые стоят в мировом пространстве и расходятся от Солнца, – кажущимся образом, как мы, разумеется, сегодня скажем – Знаки Зодиака имеют отношение к его собственному существованию. Только это конкретное знание, покоящееся на переживании, и образовывало то, что я теперь называю последствиями. И получается совсем другое, если эти вещи перевести в абстрактные понятия. Если древние переживания переводить теперь в абстрактные понятия и говорить: Эта звезда обладает таким-то влиянием, та – таким-то и так далее, то это является только абстрактными понятиями. В те древние времена дело заключалось в непосредственных переживаниях, в действительном восхождении по тем различным ступеням, по которым человек нисходил до рождения. Только тогда, когда человек обладал живым сознанием, когда из переживания он узнавал о том, что он является микрокосмом, только тогда он считался зрелым сделать второй шаг, взойти на вторую ступень, о вторую степень, которая тогда являлась, собственно говоря, степенью самопознания. Тогда он мог пережить, что он собой представляет.

Также и ту сущность, которую я охарактеризовал ранее и которая является в то же время и сущностью мира, люди тех времен находили в человеке; поэтому, если хотели найти доступ в мироздание, должны были пройти через врата человека. На второй ступени приходило в движение все то, что на первой ступени было испытано как пережитое знание. Об этом приходе в движение сегодня весьма трудно дать представление. На второй ступени узнавали не только о том, каким образом человек сопричастен макрокосмосу, но и том, как человек вплетен во все движение макрокосмоса. Человек некоторым образом проходил вместе с Солнцем через круг

Зодиака и благодаря этому прохождению вместе с Солнцем через круг Зодиака познавал весь путь, которым впечатления производят действия на человека. Если же человек с обычными возможностями познания стоит перед внешним миром, то он познает только начало очень обстоятельного процесса. Вы, например, видите цвет, составляете себе представление о цвете, может быть удерживаете это представление в памяти, в воспоминании, но дальше дело не идет. Таковы три стадии(ступени) Если все это рассмотреть как нечто законченное, то это можно было бы представить как день, когда в течение двенадцати часов светит Солнце, а мы берем из этого дня только три часа. Ибо все то, что человек воспринимает как впечатления внешнего мира, что образует в нем представления, воспоминания, это затем проходит в нем (после представления, воспоминания) через дальнейший процесс, дальнейшие девять часов. Человек предстоит самому себе исполненным движения, внутри него как бы вращается живое колесо, подобно тому, как Солнце проходит по небу свой круг. Так познает себя человек. Но при этом он познает также и тайны большого мира. Если на первой ступени он узнает, каким образом он стоит в мире, то на второй ступени он узнает, как он движется внутри мира.

Без этого познания, как жизненного познания, нельзя было достичь того, что в древние времена посвящаемый должен был проделать на третьей ступени. Мы живем в такую эпоху, когда для людей вполне естественно всякую трехчленность – я говорю в мистериальном смысле – вообще отрицать, исключать из человеческого сознания всякую трехчленность. Ибо человек, признает ли он это или нет, настаивает сегодня на том, чтобы весь мир замкнуть во время и пространство. Даже у наиболее вдумчивых людей вы можете обнаружить, что они видят весь мир замкнутым в пространство и время. Вы только подумайте, как, например, в XIX-м веке, когда материализм, теоретический материализм, достиг своего наивысшего расцвета, понималась идея бессмертия человека. Очень умные люди в середине и во второй половине XIX-го века все снова подчеркивали: Если души покидают людей после смерти, то в конце концов мир оказался бы переполненным ими и для других душ уже не осталось бы места! – Это говорят очень умные люди, поскольку они фактически рассматривают душу человека после смерти с помощью пространственных представлений. Или возьмем

другой пример: существовало и должно быть существует до сих пор Теософское Общество, в котором изучались всяческие вещи о высших членах человеческой природы. Я не хочу сказать, что просвещенные руководители впадали там в подобную ошибку, но большая часть последователей представляло себе астральное тело пространственно, пусть как весьма тонкое, но все же пространственное облако, и эти последователи много размышляли о том, где эти облака пребывают пространственно, когда человек спит и они выделяются из него. Стоило большого труда научить большое число этих последователей тому, что подобные пространственные представления неуместны в духовном мире.

И сегодняшним людям бесконечно трудно представить себе, что с определенной точки на пути познания человек оказывается не только в другой части пространства и в другом времени, но вообще выходит из времени и пространства, и что только тогда и начинается собственно сверхчувственное, когда не только покидают чувственные впечатления и их временные процессы, но само время и пространство, когда вступают в совершенного другие условия бытия, чем то, что заключается во времени и пространстве. И если вы, в то время, как я говорю вам все это, подумаете о самих себе, то в своем внутреннем вы найдете трудные моменты, когда вы спрашиваете себя: Что я должен делать, чтобы выйти с моими представлениями из пространства и времени? - И тем не менее этого достигали, если действительно проходили первые две ступени. Если бы в эпоху материализма имелось четкое сознание об этих тайнах трех степеней, то не получали бы распространения - я сейчас говорю не о внешнем экспериментировании, а о лежащей в основе теории - столь гротескные теории, как спиритизм. Кто ищет дух в виде тонкой телесности в пространстве, тот не имеет никакого представления о том, что в то время как он действует подобным образом, он действует совершенно бездуховным образом, т.е. ищет мир, в котором нет никаких духов, а имеется нечто иное, чем духи. Если бы имел спиритизм представление о том, что в поисках духов нужно выйти из времени и пространства, то он не пришел бы к столь гротескным представлениям, что с помощью пространственных устройств духи каким-то образом

могут заявить о себе наподобие того, как разыгрываются процессы в пространстве и времени.

Короче говоря, чтобы достичь третьей ступени было необходимо на первых двух ступенях выработать способность выходить из времени и пространства. Подготовлением к достижению третьей ступени служило, конечно, прохождение через врата человека, а затем через вторую ступень.

Третья ступень, третья степень обозначалась символами, смысл которых можно передать следующим образом: Посвящаемый проходил через «Врата смерти». Это означает, что он теперь действительно осознал себя вне пространства, в котором разыгрывается телесная жизнь человека между рождением и смертью, а также вне времени, в котором протекает эта человеческая жизнь. Он осознал себя по ту сторону времени и пространства, движущимся в пребывающем. Он научался познавать то, что возвышается уже в чувственном мире - что я уже не раз подчеркивал, но что, возвышаясь в этом мире чувств, не может быть понято, если оставаться в пределах этого мира, поскольку оно уже содержит в себе духовное. Он научался обращаться со смертью, со всем, что связано со смертью. Таково, в существенном, было содержание третьей степени. У каких бы народов мы ни рассматривали различные обряды Мистерий, какой бы вид они ни имели, в основе всех их лежит обращение к смерти. Исходная позиция для переживания всего того, что несла с собой третья степень, могла быть взята где угодно - я употреблю парадоксальное выражение, поскольку лучшего сейчас нет - **когда** смерть, которая во всех других случаях выводит человека из тела, делали переживаемой уже внутри телесной жизни. На третьей ступени возникала также возможность рассматривать человека, каким он пребывает между рождением и смертью, вне его существа. Причем нужно понять, что связано с этим понятием: быть вне своего тела. Это «вне» следует мыслить не пространственно, а сверхпространственно. Так что с этим были связаны переживаемые понятия. Здесь человек отказывался от наивных религиозных верований своего народа. Здесь, у врат смерти, человек, прежде всего, расставался с представлением: Ты стоишь на Земле, а твои боги или твой Бог пребывает где-то вне тебя. Здесь человек осознал себя целиком слитым с ним. Третья степень давала человеку переживание бессмертия.

Бессмертие переживалось благодаря тому, что все смертное в себе человек мог сбросить, он мог отделиться от всего смертного в себе.

Но не забудем о результатах всего пути. Весь путь состоял в том, что человек научался познавать самого себя. Человек теперь находился не внутри себя, а во внешнем мире. В этот внешний мир он мог внести все то, что он познал благодаря проникновению в самого себя. В этом состоит существенная черта дохристианского посвящения, что человек входил в себя, чтобы в самом себе найти нечто такое, что он затем мог взять с собой во внешний мир и что ему во внешнем мире, когда он был отделен от самого себя, впервые представало в истинном свете, так что он после этого чувствовал себя связанным с сущностью внешнего мира. Он шел в себя, поскольку мог найти в себе нечто такое от сущности мира, что только в себе он и мог найти и чего нельзя было найти вовне, но что только вовне можно было действительно пережить. Он проходил через врата человека и через врата самопознания и смерти, чтобы вступить в тот мир, который в действительности находится вне его. Обычный мир природы находится вне нас. Но человеку становилось понятно, что найти искомое можно только проникнув в самого себя.

После того, как человек овладевал исключительно трудной третьей степенью, он уже был готов для четвертой степени. И можно сказать: Благодаря только тому, что он в течение некоторого времени упражнялся жить на третьей ступени, он становился зрелым для четвертой, что трудно себе представить современным людям. Ибо современный человек – это заложено в самой эпохе – не является, собственно говоря, зрелым для третьей ступени. Он не легко выходит из пространственно-временных представлений, разве только с помощью силовых представлений, которые, однако, следует искать на других путях – об этом я скажу в ближайшие дни – нежели это было в древние времена. Со всем тем, что человек из себя вносил во внешний мир, он мог возвыситься до сознания четвертой степени и стать тем, кого в переводе на новый язык можно было бы назвать Христофорусом, Носителем Христа. В этом, собственно, состояла цель посвящения этих Мистерий: сделать человека Носителем Христа. Естественно, лишь немногие избранные становились такими Носителями

Христа. Они могли стать Носителями Христа только благодаря тому, что сначала искали в человеке то, чего нельзя было найти во всем внешнем мире, что затем с этим, найденным в человеке, они шли во внешний мир и соединялись со своим Богом. Так становились они Носителями Христа. Они создавали, что в структуре мироздания они соединяются с Тем – имеется в виду не исторически, а предвосхищая будущее – Кто в Евангелии от Иоанна назван Логосом или Словом, они соединялись с Тем, через Кого все начало быть и без Кого ничто не начало быть, что начало быть. Так тайна Христа в те древние времена была как бы пропастью отделена от человека, и соединиться с ней можно было только преодолев эту пропасть, что человек и делал, выходя через самопознание из себя и соединяясь со своим Богом, становясь носителем своего Бога.

Представим себе гипотетически, чтобы нам было легче идти дальше, что на Земле не произошло бы Мистерии Голгофы, земное развитие шло бы до наших дней, а Мистерии Голгофы не было бы. Если сделать такое предположение, то можно действительно понять такое событие, как Мистерия Голгофы. Так что предположим, что Мистерия Голгофы не произошла бы до сих пор. Что бы тогда случилось с тем, что наблюдали люди в те древние времена благодаря Мистериям?

Современный человек мог бы тогда знать, чем являлось греческое аполлоническое изречение, греческий аполлонический девиз: «Познай самого себя». Он мог бы тогда пожелать пережить в настоящее время эти слова «Познай самого себя», мог бы постараться, придерживаясь, в конце концов, традиций, проделать тот древний путь посвящения, который, скажем, в египетско-халдейскую эпоху являлся королевским путем посвящения, мог бы попытаться взойти по четырем ступеням, по которым восходили в те дохристианские времена, чтобы стать Христофорусом. В этом случае человек приобрел бы совершенно определенный опыт. Если бы он последовал девизу «Познай самого себя», если бы он попытался в себе пройти также через состояние страха, через которое проходили в прошлом, то в этом случае, благодаря последующему переживанию изменений, благодаря тому, что пришлось бы в движение то, что должно быть проделано в состоянии покоя, он получил бы опыт, что он не может теперь

сущность человека найти в себе. Это особенно важно! Несомненно девиз «Познай самого себя» действителен и для сегодняшних людей, но это самопознание больше не ведет их к миропознанию. Прежде человек, благодаря своей древней конституции души, еще находил в себе свою связь с сущностью мира. То, чего он не мог найти во внешнем мире, он должен был искать на пути самопознания, чтобы в этом найти также и миропознание, тот внутренний человеческий сущностный центр, который он затем мог взять с собой во внешний мир, чтобы стать Христофорусом. Сегодня этого сущностного центра человек не находит в себе, его там больше нет. Это очень важно иметь в виду! Люди с современными легкомысленными понятиями, культивируемые так называемой наукой, выражают такое мнение: Человек есть человек. Современный англичанин или француз, или немец есть человек, также как был им и древний египтянин. Но это бессмыслица для действительного познания, действительно бессмыслица! Ибо древний египтянин, входя в себя согласно правилам инициации, находил кое-что в себе, чего современному человеку уже не найти, поскольку оно исчезло, поскольку оно ушло прочь. От человека ускользнуло, человек потерял то, что, собственно, в дохристианские времена, а отчасти и в христианскую эпоху, было еще находимо в греческой конституции души. Теперь это потеряно, исчезло из человеческого существа. Человеческая организация теперь другая, чем она была в древние времена.

Если все это кратко резюмировать, то можно сказать: Человек находил, – пусть смутно, пусть не в полностью осознанных понятиях – погружаясь в себя в те древние времена, свое «Я». Это не противоречит сказанному о том, что «Я» впервые было некоторым образом рождено Христианством. И я повторяю: Пусть смутно, пусть не в полностью осознанных понятиях человек все же находил свое «Я». Христианством оно было впервые рождено как активное сознание, а в древности человек находил само «Я». Ибо от «Я», от действительного, истинного «Я» в человеке нечто оставалось, когда он рождался в древние времена. Вы скажете: Так что ж, сегодня человек не может найти свое «Я»? – Нет, не может. Действительное «Я» отстает, когда мы рождаемся. То, что мы переживаем как наше «Я», есть лишь зеркальный образ «Я». Это есть нечто такое, что пребывающее до рождения «Я» отражает в нас. Мы

переживаем в действительности только отражение «Я», нечто от действительного «Я» мы переживаем лишь косвенно. То, что психологи или так называемые исследователи принимают за «Я», есть лишь отражение, оно так же относится к действительному «Я», как ваш образ в зеркале к вам самим. Но то действительное «Я», которое было находимо во времена атактистического ясновидения, вплоть до эпохи Христианства, его сегодня нет в человеке, когда он смотрит на свое собственное существо – поскольку это его существо связано с телом. Лишь косвенно и тогда переживает человек нечто от своего «Я», когда он вступает в отношения с другими людьми и начинает изживать карму.

Когда мы видим перед собой другого человека и нечто разыгрывается между нами и им, нечто, принадлежащее нашей карме, тогда в нас вступает кое-что от импульса действительного «Я». А то, что мы называем в нас «Я», что мы обозначаем словом, это только отражение. И именно благодаря тому человек в нашей пятой послеатлантической культурной эпохе делается зрелым в новом облике пережить «Я» в шестой культурной эпохе, что на протяжении пятой эпохи он переживает это «Я» как отражение. То как раз и характерно для эпохи души сознательной, что человек свое «Я» получает только как отражение, чтобы в эпоху Самодуха образовать «Я» по-новому, смочь пережить его в новом облике. Только тогда он переживает его иначе, чем это хотелось бы ему сегодня! Сегодня человеку хотелось бы назвать свое «Я», которое он переживает только как отражение, выше всего того, что ему будет даровано в шестой послеатлантической культуре. Те мистические наития, которые сегодня еще получают люди, когда они упорно углубляются в себя в поисках своего «Я», они называют их даже присутствием божественного «Я»! В будущем такие наития будут случаться с людьми реже. Напротив, они должны будут привыкнуть это «Я» искать во внешнем мире. Наступит нечто удивительное: каждый встречающийся нам человек и имеющий с нами какое-то дело будет иметь больше отношение к нашему «Я», чем то, что заключено в наш кожный покров. В социальный век человек направляется в своем развитии так, чтобы в будущем он мог сказать: Мое «Я» пребывает во всех тех людях, с которыми я встречаюсь в жизни, менее всего оно находится внутри меня.

Когда я, как физический человек, нахожусь между рождением и смертью, то я получаю мою самость, мое «Я» от всего чего угодно, только не от того, что заключено внутри моей кожи.

Как бы парадоксально это ни звучало, но это косвенно подготавливается уже сегодня благодаря тому, что люди понемногу учатся ощущать, как ужасно мало от того, что они называют своим «Я», содержится в этом отражении. Не так давно я говорил о том, как можно прийти к истине, если провести перед собой факты своей биографии и спросить себя при этом: чем мы обязаны тем-то и тем-то людям, повстречавшимся нам в жизни с самого ее начала? Тогда постепенно, понемногу растворяешься в тех влияниях, которые пришли от других людей, исключительно мало что можно найти в том, что обычно рассматриваешь как собственное «Я», которое, как сказано, есть не более чем отражение. Несколько гротескно выражаясь, можно сказать: В то время, когда произошла Мистерия Голгофы, человек сделался полым, сделался пустым. Значительное заключается в том, что люди научаются познавать Мистерию Голгофы как Импульс, стоящий в прямом отношении к ставшим полым человеку. Человек должен, говоря о действительности, отдавать себе отчет в том, что это полое место, к которому он приходил в египетско-халдейских королевских Мистериях, должно быть каким-то образом заполнено. Раньше оно было заполнено действительным «Я», которое теперь, когда человек рождается или, по крайней мере, в первые детские годы, отстает от него. **И это место заполняет Импульс Христа.** Здесь вы видите настоящий процесс. Вы можете сказать себе: Здесь (см. рисунок, слева) люди до Мистерии Голгофы, в середине – Мистерия Голгофы, а справа люди после Мистерии Голгофы.

До Мистерии Голгофы люди имели в себе нечто, и это, как было сказано, можно было найти с помощью Посвящения (красное). После Мистерии Голгофы этого уже нет в людях (синее), они стали как бы полыми, и в них входит Импульс Христа (лиловое) и занимает это опустевшее место. Так что Импульс Христа не может быть постигнут лишь как учение, как теория, но он должен быть постигнут в отношении его фактичности. И всякий, действительно понимающий

возможность этого нисхождения, в смысле посвящения древних Мистерий, понимает и значение Мистерии Голгофы согласно ее внутренней истине. Ибо человек сегодня не может подобно тому, как это имело место в королевском посвящении Древнего Египта, стать Христофорусом; но он становится Христофорусом в любых обстоятельствах, когда в пустое пространство внутри него входит Христос.

Так что в потере значения принципов древних Мистерий являет себя огромное значение Мистерии Христа. Вы можете прочесть об этом в моей книге «Христианство как мистический факт»: – То, что ранее переживалось в глубинах Мистерий и что делало человека Христофорусом – это было вынесено на широкий план мировой истории. Это есть факт. Отсюда вам также должно стать ясно, что и принцип посвящения с тех древних времен должен был претерпеть изменения, поскольку того, что в древних Мистериях искали в человеке, в нем теперь найти нельзя.

Мало чего стоит современное естествознание, когда оно сегодня рассматривает англичанина, француза, немца точно так же, как если бы оно рассматривало древнего египтянина. Оно не видит в человеке существенного. В конце концов, даже внешний облик людей изменился с тех древних времен, а то, что является в них существенным – что претерпело изменения – это мы должны описывать так, как мы это делали сейчас. При этом описании вы, прежде всего, сталкиваетесь с необходимостью считаться с тем фактом, что изменился принцип посвящения. Так что же найдет человек сегодня, если захочет в древнем смысле последовать за древним призывом «Познай самого себя»? Чего бы он достиг, если бы изучил все описания церемонии посвящения, процесса Посвящения древних египтян и применил бы его к себе? Он бы уже не нашел того, что можно было найти в древних Мистериях. И то, чем человек становился на четвертой ступени, он пережил бы это бессознательно и не мог бы этого понять. Если даже проделать все церемонии посвящения и пройти путем, на котором становились Христофорусом, все равно теперь сознательным образом не подойти ко Христу. Древнему человеку это было доступно, если он проходил посвящение: он действительно становился Христофорусом. Но в ходе развития Земли произошло так, что человек утратил возможность

находить в себе ту сущность, которая затем становилась светом мировой сущности. Сегодня человек находит пустое пространство, если ищет прежним способом.

Но в развитии мира, если что-то теряется, то **это** полно значения. Человек благодаря этому становится другим. Он несет в себе – если я разовью далее то, о чем я уже сказал – через мир пустое пространство. А с этим связаны особые способности. И как правдой является то, что утрачены определенные древние способности, также правдой является то, что именно благодаря утрате прежних способностей приобретаются новые, которые вновь могут быть развиты подобно тому, как в прежнем смысле развивались старые способности. Иными словами, это означает: Путь через врата человека до врат смерти должен сегодня проходиться иначе. Это находится в связи с тем, что я говорил: Духи Личности приобрели новый характер. С этим новым характером Духов Личности находится в существенной связи новое посвящение.

В отношении посвящения в развитии человечества была впервые сделана своего рода пауза. Человек был далеко отстранен от него именно в XIX-м веке. И лишь по окончании XIX-го века снова появилась возможность приблизиться к действительному живому посвящению. Это действительное живое посвящение подготавливается, но он будет протекать иным образом, чем прежде, которое я вам сегодня описал с определенной точки зрения, чтобы подготовить вас к глубокому пониманию Христианства. То, что раньше было совершенно напрасным делом, а именно: искать нечто сущностное во внешнем мире – это стало теперь достижимо как раз благодаря тому, что мы внутренне стали полыми. И это будет становиться все более и более достижимым и до определенной степени достижимо уже сейчас, благодаря тому пути познания, который описан в «Как достигнуть познания высших миров?». Чего сегодня можно достичь – это некоторым образом проникнуть с теми же самыми душевными способностями, если их правильно применить, с которыми изучают внешний мир, в этот внешний мир еще глубже. Естествознание этого не делает, оно хочет проникнуть только до законов, до так называемых законов природы. Эти же законы природы являются абстракциями. Если вы хоть немного познакомитесь с популярной литературой, которая естественнонаучные понятия облакает в

философские покровы, надевает на них, я бы мог сказать, философские шляпочки, то вы увидите, что те люди, которые говорят сегодня на эту тему, не знают, как им следует думать об отношении законов природы к реальности, к действительности. Человек приходит к законам природы, но они остаются абстрактными понятиями, абстрактными идеями. Такая индивидуальность, как Гете, стремилась проникнуть за законы природы. Особенность Гете, Гетеизма состоит в том, что теперь понимается весьма мало: Гете искал, как проникнуть за законы природы, к природообразующим началам, к формам. Поэтому он основал морфологию в высшем смысле этого слова, спиритуальную морфологию. Он не хотел задерживаться на том, что дают внешние чувства, но стремился проникнуть к тому, что само себя образует, что не дано восприятиям внешних чувств, но пребывает в формах. Так что сегодня мы можем говорить о чем-то параллельном вратам человека: мы можем говорить о «вратах природы». Я мог бы сказать, уже занялась заря этого рода, хотя пока весьма туманная, выражающаяся в том, что из хаотической средневековой мистики такой человек, как Яков Бёме, говорит о семи формах природы. Но то, к чему современное посвящение должно подходить все ближе и ближе – это формы, которые во внешних чувственных формах заявляют о себе как о выходящих за пределы пространственно-временного.

Я часто указывал на этот знаменитый разговор, который произошел между Гете и Шиллером, когда они возвращались домой с лекции естествоиспытателя Батша. Шиллер тогда сказал Гете, что находит весьма фрагментарным тот способ рассмотрения мира, которым пользуется Батш. Следует сказать, что той фрагментарности в изучении природы было далеко до современной, но Шиллер и ту ощутил как весьма сухую. Гете сказал в ответ, что следовало бы обратиться к совсем другому способу рассмотрения природы. И он несколькими характерными штрихами нарисовал метаморфозу растений, прорастание. На это Шиллер ответил, что это ему мало понятно: ведь это не опыт – он имел в виду, что этого нет во внешнем мире – это идея. И Шиллер остался при абстракции. А Гете сказал: Если это идея, то это дает мне право сказать, что я вижу свои идеи глазами. – Он при этом имел в виду не те идеи, которые образуются внутри. То, что он тогда нарисовал,

хотя и не стояло в цвете тогда перед его глазами, но было чем-то в этом роде. Это действительное образование, сверхчувственное образование в чувствах. Гете, конечно, не мог развить этого слишком далеко. В одном из моих рассмотрений я говорил: Прямым продолжением гетевской метаморфозы растений и животных, которую Гёте развил только в элементарном виде, является настоящее проникновение в повторные земные жизни. Гёте рассматривает лепесток цветка как преобразованный лист растения, черепную кость – как преобразованный позвонок. И это было начало. Если, придерживаясь этого способа рассмотрения, пойти дальше, то можно пойти лишь до форм, но у врат природных форм приходят к имажинативному созерцанию этих форм природы. При этом приходят к тому, что не просто рассматривают кости черепа как преобразовавшиеся позвонки, но всю человеческую голову – как преобразованное человеческое тело прошлой земной жизни, но взятое без головы. Все, что вы сегодня носите как свое тело, кроме головы, переходит в своей материальности к Земле, но его сверхчувственная форма проходит сквозь жизнь между смертью и новым рождением и в следующей инкарнации становится головой. Здесь мы имеем человеческую метаморфозу в ее высшей форме. Вы только не должны предаваться видимости. Вы бы, естественно, могли сказать: Мы опускаем человека в землю или сжигаем его, как же его тело может преобразоваться в голову? – Да, это и называется : считаться с видимостью в современном смысле слова. Здесь вы бы могли, если вам хочется культивировать эту видимость, вспомнить одно место у Шекспира, где Гамлет рассуждает о том , что земной человеческий прах, который когда-то составлял тело Юлия Цезаря, мог затем перейти в собаку, могли перейти те атомы, что некогда образовали римского цезаря.

Но люди не идут путем физического организма, предаются ли они его земле или сжигают. Здесь имеет место метаморфоза. Происходит так, что истлевают только голова, исчезает в земле и таким образом растворяется в мироздании, но то, что составляет ваше тело, кроме головы, в этой инкарнации – это претерпевает метаморфозу и вы находите его затем как голову – вам никуда от этого не уйти в вашей следующей инкарнации. Вам нет нужды при этом думать о

материи. Вы и сейчас содержите в себе не ту материю, которая была в вас семь лет тому назад. Вам следует думать только о том, что изменяется в себе, об изменяющейся форме. В том же смысле, в каком в древности первой ступенью являлись врата человека, теперь первой ступенью являются врата форм. И когда живо постигают эти врата форм, то затем вступают во «врата жизни», где уже имеют дело не с формами, а со ступенями жизни, с элементами жизни. Это подобно тому, что в древнеегипетском королевском посвящении я охарактеризовал как вторую степень. А третья имеет то же значение, что вступление во врата смерти – это посвящение в различные сознания. Человек узнает между рождением и смертью только одно сознание, но оно является лишь одним из семи. И с этими другими сознаниями необходимо считаться, если вообще хотят понять мир.

Примите только во внимание, что набросок этих трех, следующих одна за другой ступеней, содержится в моем «Очерке Тайноведения». Я дал их там в связи с развитием мира. Там описаны различные формы сознания: Сатурна, Солнца, Луны, Земли и т.д., всего семь форм сознания. Человек проходит на каждой ступени, одно из которых является Земля, через одно сознание. Он проходит курс семи различных ступеней сознания, а на каждой ступени сознания Сатурна, Солнца и т.д. – курс семи ступеней жизни, каждая из которых, в свою очередь, содержит семь ступеней формы. То, что мы описываем как наши культурные ступени, как древнеиндийскую, древнеперсидскую, египетско-халдейскую, греко-латинскую, нашу настоящую ступень – все это есть также формы. Здесь мы живем у врат форм. Это соответствует вратам человека, когда мы говорим об этих формах культуры, и из мира форм мы можем образовать представления об этих, следующих одна за другой, культурах. Их семь на каждой ступени жизни. А когда мы говорим о ступенях жизни, то имеем в виду семь следующих одна за другой ступеней, одной из которых, например, является все наше послеатлантическое время: древнеиндийская, древнеперсидская и другие, вплоть до седьмой включительно культурной эпохи. Сейчас мы стоим на пятой ступени жизни, ей предшествовала атлантическая ступень жизни, той – лемурийская. И эти семь ступеней жизни существовали для того, чтобы человек достиг того сознания,

каким он обладает теперь. Но это сознание развилось из древнего лунного сознания, а то – из солнечного сознания. При каждом планетном воплощении человек усваивает одну такую форму сознания. Самой совершенной он достигнет во время развития Вулкана.

Отсюда вы видите, как через три следующих одна за другой тайны степеней человек обретает обозрение космоса. А затем из этого миропознания человек обретает, в свою очередь, познание человека. Из этого миропознания человек также обретает возможность приблизиться к пониманию Мистерии Голгофы.

Сегодня мы воспринимаем в себя, я бы сказал, лишь наброски этого понимания. Но мы все же сможем понять, почему, например, Мистерия Голгофы совершилась в четвертой послееатлантической культурной форме, пятом периоде жизни, в послееатлантическом периоде жизни, почему она наступила на Земле. Если вы перечитаете последний Лейпцигский цикл*, то вы увидите, как подготавливалась на Земле Мистерия Голгофы. Но все, что необходимо для понимания Мистерии Голгофы, все это проистекает из принципов нового посвящения. Таким образом, древнее посвящение по существу шло от познания человека к познанию мира, а новое – от познания мира возвращается назад к познанию человека.

Но все это охарактеризовано с точки зрения посвящения. Вы находитесь здесь, так сказать, на одной стороне; на другой стороне вам являет себя зеркальное отражение всего этого. Чтобы достичь этого миропознания, вы должны прежде всего исходить из нового человекопознания. И об этом я говорил недавно. Об этом следует говорить совершенно по-разному для старого и нового времени. Старые времена через человекопознание пришли к результату, который был миропознанием. Выражаясь теоретически можно сказать: человек совершал некий жизненный процесс, и когда он был готов, являлось познание мира; благодаря этому он исходил в своем сознании от познания мира, а затем мог вновь обращаться к человеку. Сегодня, когда вы исходите от миропознания через форму, жизнь и сознание, то вы благодаря этому достигаете – посмотрите мое «Тайноведение» – по сути дела, познания человека. Все остальное в познании природы исчезает, остается понятным один человек. И как я говорил,

человек становится понятным как трехчленное существо – нервно-чувственное существо, ритмическое существо и существо обмена веществ – благодаря тому, что обретают познание мира. А от человека можно затем опять вернуться к познанию мира.

Это не является противоречием. Вы можете повстречать подобное на каждом шагу, если захотите вступить в мир истины. А если предпочитаете

* Цикл «Христос и духовный мир. – О поисках Святого Грааля». Библ. №149. Дорнах, 1960.

придерживаться догматики, тогда в подобного рода противоречия вы не сможете войти, поскольку они для вас неудобны. Если вам по нраву догматика, то вы можете там, либо здесь находить противоречия, при этом сама догматика не даст вам ни малейшего понимания действительности и критерием достоверности будет служить лишь то, что, что вы в чем-то можете поклясться, если хотите. Если же вы хотите познать действительность, то вам должно стать ясно, что эта действительность должна быть представлена с различных сторон. В отношении жизни древний человек должен был идти от мира к человеку, современный – от человека к миру; в отношении познания древний человек шел от человека к миру, новый – от мира к человеку. Это является необходимостью. Но для современного человека это опять-таки неудобно, хотя сегодня каждый должен пройти через колебания, через неуверенность! Вспомните, что на второй ступени египетского королевского посвящения человек приходил в колебание, во вращение. Сегодня человек должен, если он действительно хочет через формы стремиться к жизни, отдаться той возможности, в которой он говорит: Пусть те либо другие вероисповедания дадут мне прекрасные понятия, они могут быть

прекрасными с полным основанием, но с их помощью я до тех пор не приду к действительности, пока не усвою противоположных понятий.

Я обращаю ваше внимание на то, что Мистерия Голгофы сделала необходимым существование противоположных понятий, так что вам приходится сказать себе: Совершенно

очевидно, плохим поступком было убийство людьми Бога, воплотившегося в человека; но совершенно очевидно и то, что этот поступок стал исходным пунктом Христианства. Ибо, если бы не произошло убийства на Голгофе, то не существовало бы Христианства в его реальности. Этот парадокс в отношении сверхчувственных фактов может быть образцовым примером для многих парадоксов, с которыми вам придется иметь дело, если вы действительно захотите перейти к понятиям сверхчувственного мира, поскольку без этого ваш переход вам не удастся. Раньше человек нуждался в страхе, теперь он нуждается в преодолении той пропасти, которая предстает ему как пребывание в мироздании, лишенное всякого центра тяжести. Человек должен пройти через это, чтобы не клясться на понятиях, а рассматривать их как нечто, освещающее вещи с различных сторон, как освещается с разных сторон воспринимаемый нами образ дерева. Догматик, естествоиспытатель и теолог, они верят, что с помощью каких-либо догм можно постичь всю действительность. Пребывающий же в действительности знает, что любое высказывание догматического рода можно сравнить с фотографией, дающей лишь одну сторону, один аспект действительности, и что можно, по крайней мере, иметь противоположный аспект, чтобы через совместное наблюдение обоих аспектов приблизится к действительности предмета. О дальнейшем поговорим завтра.